

КОДЕКС ЖИЩНИКА

ЭРА ОГРАНИЧЕНИЙ

ГАРРЕТ МЭТЬЮЗ

Кодекс хищника: эра ограничений

Гаррет Мэтьюз

Настоящий текст представляет собой художественное произведение. Персонажи, сюжетные линии, организации, события и описанные обстоятельства являются вымышленными либо переосмыслены автором в художественной форме. Возможные совпадения с реальными людьми, организациями, компаниями или историческими событиями не являются умышленными.

Оглавление

Глава 1. Молчание в Гринвиче

Глава 2. Адвокат дьявола

Глава 3. Иллюзия защиты

Глава 4. Тень инквизиции

Глава 5. Театр правосудия

Глава 6. Анатомия страха

Глава 7. Свидетели обвинения

Глава 8. Сговор теней

Глава 9. Третья сила

Глава 10. Создатель обмана

Глава 11. Вердикт системы

Глава 12. Финальный расчет

Глава 1. Молчание в Гринвиче

Кровь на персидском ковре всегда выглядит темнее, чем в кино. Она впитывается в густой ворс, превращая замысловатые узоры ручной работы в сплошное, липкое черное пятно. Артур Вэнс, человек, чье имя заставляло трепетать советы директоров крупнейших корпораций и затыкало рты самым смелым журналистам, лежал лицом вниз в центре своего роскошного кабинета в Гринвиче. Его череп был проломлен, а изящная бронзовая статуэтка Фемиды — та самая, что он так любил демонстрировать гостям как символ своей непогрешимости — валялась рядом, испачканная багровым. В кабинете стояла оглушительная тишина, нарушаемая лишь мерным, поставленным голосом диктора новостей.

Огромная плазменная панель на стене, которую Артур никогда не выключал, транслировала экстренный выпуск. «...сегодня вечером президент подписал так называемый “Пакт о защите традиционного порядка”, — вещал диктор, пока на экране мелькали кадры горящих мусорных баков, разбитых витрин и людей в черных масках, бросающих камни в полицейские кордоны. — В ответ на нескончаемые беспорядки и участвовавшие нападения радикальных групп, новый закон беспрецедентно расширяет полномочия правоохранительных органов. Отныне полиция имеет право задерживать подозреваемых в деструктивной деятельности без ордера, а также ограничивать доступ адвокатов к задержанным в первые сорок восемь часов, если дело касается угрозы национальной безопасности и традиционным ценностям...»

Калеб Вэнс, семнадцатилетний сын убитого, сидел в кожаном кресле напротив тела отца. Его руки, от кончиков пальцев до закатанных рукавов белой рубашки, были покрыты подсыхающей кровью. Он не смотрел на труп. Его пустой, немигающий взгляд был прикован к экрану телевизора, где кадры уличного хаоса сменились холемым лицом политика, вещающего о необходимости «жесткой руки» и «очищения общества».

Снаружи, сквозь толстые пуленепробиваемые стекла особняка, начали пробиваться вполыхи красно-синих мигалок. Они разрезали темноту ухоженного сада, скользили по коре вековых дубов и отражались в лужах на подъездной дорожке. Вой сирен, сначала далекий, стремительно нарастал, превращаясь в агрессивный, давящий на барабанные перепонки рев.

Входная дверь особняка разлетелась в щепки от удара тактического тарана. Тяжелые ботинки спецназа загрохотали по мраморному полу холла. Это были не обычные патрульные. Это были бойцы новых подразделений превентивного реагирования, созданных в рамках того самого «Пакта», о котором сейчас говорил телевизор. Люди в глухих шлемах, черной броне, без именных жетонов.

Дверь в кабинет распахнулась с такой силой, что ручка пробила дубовую панель на стене. В комнату ворвались пятеро бойцов. Штурмовые винтовки были направлены на подростка в кресле.

— На пол! Лицом в пол! Руки за голову! — заорал командир группы, его голос искажался динамиком шлема.

Калев медленно моргнул, словно выходя из транса, и начал подниматься. Один из бойцов с размаху ударил его прикладом в грудь. Подросток рухнул на пол. Чей-то тяжелый ботинок мгновенно опустился ему на шею, вдавливая лицо в ворс ковра. Запястья грубо заломили за спину, пластиковые стяжки с хрустом впились в кожу. Никто не зачитывал ему права. Никто не говорил о праве хранить молчание или об адвокате.

— Чисто! Подозреваемый взят! — крикнул боец, не убирая ноги с шеи Калеба.

В дверях кабинета появилась высокая фигура в безупречно сшитом кашемировом пальто. Виктор Стерлинг, личный адвокат семьи Вэнс, стоял на пороге, оглядывая сцену. Его лицо не выражало ни скорби, ни шока. Только холодный, расчетливый интерес. Он посмотрел на Калеба, задыхающегося под сапогом спецназовца, затем перевел взгляд на мертвого Артура, а потом — на экран телевизора.

«...закон вступает в силу немедленно. Отныне государство берет на себя полную ответственность за искоренение любых угроз...»

Виктор чуть заметно усмехнулся. Бойцы рывком подняли Калеба на ноги и потащили к выходу. Телевизор продолжал работать, освещая лужу крови и брошенную статуэтку Фемиды, чьи весы были безнадежно сломаны. Эра ограничений официально вступила в свои права.

Виктор Стерлинг остался в кабинете. Воздух был пропитан запахом меди и дорогого парфюма Артура — древесные ноты сандала смешивались с железистым душком свежей крови. Стерлинг не спешил приближаться к телу. Он методично осматривал помещение, его взгляд фиксировал каждую деталь, словно камера

видеонаблюдения. Опрокинутый стул. Разбросанные по столу бумаги. Сейф, дверца которого была приоткрыта.

— Мистер Стерлинг? — В дверях появился детектив в мятом плаще, его лицо выражало смесь раздражения и усталости. — Мы не ожидали вас так скоро.

— Я всегда рядом, когда я нужен своим клиентам, детектив, — ровным тоном ответил Виктор, не отрывая взгляда от окровавленной статуэтки. — Особенно когда моего клиента избивают ваши люди, нарушая все мыслимые процессуальные нормы.

Детектив поморщился.

— Вы же слышали новости, мистер Стерлинг. У нас новые инструкции. Пакт о защите традиционного порядка дает нам право на жесткие меры при подозрении в деструктивной деятельности. А убийство фигуры масштаба Артура Вэнса — это не просто бытовуха. Это потенциальная угроза стабильности.

— Угроза стабильности? — Стерлинг наконец повернулся к детективу, его губы изогнулись в холодной полуулыбке. — Вы серьезно считаете семнадцатилетнего подростка, находящегося в состоянии шока, угрозой национальной безопасности?

— Мы никого не исключаем. Парня задержали на месте преступления, весь в крови. Мотив, возможность... все сходится.

— Сходится слишком легко, детектив. Слишком... картинно. — Стерлинг сделал шаг к телу Артура. — Посмотрите на положение тела. Он упал лицом вниз. Удар был нанесен сзади. Статуэтка тяжелая. Чтобы проломить череп взрослому мужчине, требуется значительная физическая сила. Вы уверены, что Калев способен на такой замах?

Детектив пожал плечами.

— Адреналин творит чудеса. Мы проведем экспертизу, снимем отпечатки...

— Разумеется, проведете, — перебил его Стерлинг. — И я прослежу за каждым вашим шагом. Но до тех пор, пока вы не предъявите мне неопровержимые доказательства, я буду рассматривать арест моего клиента как незаконный акт агрессии, оправданный лишь вашей паранойей, подогреваемой этими бесконечными новостями о беспорядках.

Он кивнул в сторону экрана, где все еще мелькали кадры протестов.

— Вы же понимаете, детектив, что эти законы... они создают атмосферу, в которой каждый становится подозреваемым. Это... охотничий заказник системы, где вы — гончие, а мы — дичь.

Детектив нахмурился, не понимая, к чему клонит адвокат.

— Моя задача — найти убийцу, мистер Стерлинг. А ваша — защищать своего клиента. Давайте каждый будет делать свою работу.

— Именно это я и собираюсь делать, — тихо произнес Виктор, провожая взглядом сотрудников судмедэкспертизы, которые начали упаковывать тело Артура в черный пластиковый мешок.

В полицейском участке царил хаос. Телефоны разрывались, радики трещали, коридоры были забиты задержанными — в основном молодыми людьми, которых хватали на улицах в рамках новых превентивных мер.

Калеб сидел в тесной допросной комнате, прикованный наручниками к столу. Его белая рубашка, теперь уже бурая от засохшей крови отца, прилипла к телу. Он смотрел в стену перед собой, его лицо оставалось абсолютно бесстрастным.

Дверь со скрипом открылась, и в комнату вошел Виктор Стерлинг. Он положил на стол свой кожаный портфель и сел напротив подростка.

— Здравствуй, Калеб, — произнес Стерлинг мягким, почти отеческим тоном.

Калеб медленно перевел на него взгляд. В его глазах не было ни страха, ни мольбы.

— Они не зачитали мне права перед допросом, — тихо сказал он.

— Я знаю, — кивнул Стерлинг. — Новые времена, новые правила. Но не волнуйся, я здесь, чтобы защитить тебя.

— От чего?

Стерлинг слегка прищурился.

— От системы, Калеб. От машины, которая сейчас пытается тебя перемолоть. Они хотят быстрого решения. Хотят показать, что контролируют ситуацию. А ты — идеальный козел отпущения.

Калеб промолчал. Он снова посмотрел на свои руки, покрытые кровью.

— Расскажи мне, что произошло, Кaleb, — попросил Стерлинг, подаваясь вперед.
— Я должен знать правду, чтобы вытащить тебя отсюда.

— Правда? — Кaleb поднял голову, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на насмешку. — Правда больше не имеет значения, Виктор. Вы же сами это знаете.

Стерлинг откинулся на спинку стула, внимательно изучая лицо подростка. В нем не было ни тени раскаяния, ни паники. Только холодная пустота.

— Возможно, — согласился адвокат. — Но нам нужна версия, в которую они поверят. И мы должны ее создать.

За дверью допросной слышались громкие голоса и звуки борьбы. Кто-то отчаянно кричал о своих правах, пока его тащили по коридору. Телевизор в дежурной части, звук которого пробивался даже сквозь тонкие стены, продолжал вещать о новых арестах и необходимости ужесточения мер безопасности.

Стерлинг достал из внутреннего кармана пиджака тонкую папку и открыл ее.

— Мы начнем с того, что ты был в состоянии аффекта, — начал он, не сводя глаз с Калеба. — Ты нашел тело отца, запаниковал...

— Я не убивал его, — ровным голосом перебил Кaleb.

Стерлинг замер, ручка зависла над бумагой.

— Я не убивал его, — повторил подросток. — Но я рад, что он мертв.

В комнате повисла тяжелая тишина. Стерлинг медленно закрыл папку. Он понял, что дело будет гораздо сложнее, чем он предполагал. И дело было не только в новых законах, которые связывали ему руки. Дело было в самом Калебе. В этом тихом, спокойном подростке, который сидел перед ним, покрытый кровью отца, и смотрел на него взглядом человека, которому нечего терять. Взглядом человека, который понял, как работает эта новая реальность, и был готов играть по ее правилам.

Глава 2. Адвокат дьявола

Утро после убийства Артура Вэнса началось с того, что небо над Нью-Йорком затянуло плотной серой пеленой. Дождь методично смывал с тротуаров следы ночных беспорядков, но не мог смыть напряжение, повисшее в воздухе. В офисе юридической фирмы «Стерлинг и Партнеры», занимавшем два верхних этажа стеклянного небоскреба на Манхэттене, царила атмосфера сдержанной суеты. Телефоны звонили непрерывно, секретари сновали с папками, а в переговорных комнатах за закрытыми дверями шли напряженные обсуждения.

Диана Росс, молодой адвокат, чья карьера в фирме только начинала набирать обороты, стояла у панорамного окна в своем небольшом кабинете. Она смотрела на улицу, где у входа в небоскреб уже собиралась толпа журналистов. Их микрофоны напоминали лес копий, а объективы камер — жадные глаза, ожидающие очередной порции сенсаций. В руках Диана держала планшет, на экране которого беззвучно транслировался утренний выпуск новостей.

Ведущий, мужчина с идеально уложенными волосами и тревожным выражением лица, вещал о ночных событиях. На экране сменялись кадры: оцепленный особняк Вэнсов, вспышки фотокамер, силуэт подростка, которого заводят в полицейскую машину. Бегущая строка внизу экрана кричала: «Убийство в Гринвиче: сын миллиардера арестован на месте преступления».

Диана вздохнула и выключила планшет. Она знала, что это дело станет испытанием для всех. Виктор Стерлинг, старший партнер фирмы и ее непосредственный руководитель, официально взял на себя защиту Калеба Вэнса. И он привлек ее к этому делу. Это был шанс, о котором мечтал любой молодой юрист, но Диана чувствовала лишь тяжесть ответственности.

В дверь постучали, и в кабинет заглянул Виктор. Он выглядел безупречно, как всегда: идеально сидящий костюм, ни одной лишней складки, лицо, не выражающее никаких эмоций.

— Диана, — произнес он своим фирменным, ровным голосом. — Ты готова?

— Да, мистер Стерлинг, — ответила она, собирая со стола блокнот и ручку. — Я просмотрела первичные материалы, которые нам удалось получить.

— Отлично. Идем в переговорную. Нам нужно обсудить стратегию.

Переговорная комната была просторной, с длинным столом красного дерева и тяжелыми кожаными креслами. На стене висела огромная плазменная панель, на которой сейчас транслировался тот же новостной канал, что и на планшете Дианы.

Виктор сел во главе стола и жестом пригласил Диану сесть рядом.

— Итак, — начал он, сцепив руки в замок. — Что мы имеем?

— Полиция утверждает, что задержала Калеба на месте преступления, — начала Диана, открывая свой блокнот. — Орудие убийства — бронзовая статуэтка — было найдено рядом с телом. На ней, по предварительным данным, обнаружены отпечатки пальцев Калеба. Одежда Калеба в крови жертвы.

— Это то, что они хотят, чтобы мы видели, — перебил ее Виктор. — Это их версия событий. Наша задача — найти бреши в этой версии.

Диана кивнула.

— Я заметила несколько несостыковок в полицейских отчетах о задержании, — сказала она. — Во-первых, время прибытия спецназа. Согласно отчетам, они прибыли на место через пятнадцать минут после поступления вызова в службу 911. Но соседи утверждают, что первые сирены были слышны уже через пять минут.

— Интересно, — протянул Виктор. — Что еще?

— Во-вторых, процедура задержания. В отчетах сказано, что Калев оказал сопротивление, что потребовало применения силы. Но на записи с камер внутренней охраны особняка, которую нам уже передала частная служба безопасности, видно, что он сидел в кресле и не двигался, пока его не ударили прикладом.

Виктор слегка улыбнулся.

— Вот видишь, Диана. Дьявол кроется в деталях. Полиция торопилась. Они хотели быстро закрыть дело, чтобы продемонстрировать эффективность новых законов. И в этой спешке они совершили ошибки.

Диана посмотрела на экран телевизора. Ведущий новостей перешел к обсуждению личности Калеба. На экране появились фотографии подростка: на яхте, на горнолыжном курорте, на благотворительном вечере.

— «Избалованный убийца», — произнес ведущий, и эта фраза резанула слух Дианы. — «Сын миллиардера, привыкший получать все, что хочет, и не останавливающийся ни перед чем, чтобы добиться своего».

— Они уже вынесли ему приговор, — тихо сказала Диана.

— Это их работа, — пожал плечами Виктор. — Формировать общественное мнение. Создавать образ врага. В данном случае — образ «избалованного убийцы», который угрожает традиционным ценностям.

— Но это же несправедливо, — возмутилась Диана. — Они не знают всех фактов.

— Справедливость, Диана, — это абстрактное понятие, — произнес Виктор, глядя ей прямо в глаза. — В зале суда имеет значение только то, что ты можешь доказать. И то, как ты это преподнесешь.

Он встал и подошел к окну.

— Посмотри на них, — сказал он, указывая на толпу журналистов внизу. — Они жаждут крови. Они хотят видеть, как падет империя Вэнсов. И они сделают все, чтобы это произошло.

Диана подошла к окну и встала рядом с ним.

— Что мы будем делать? — спросила она.

— Мы будем играть по их правилам, — ответил Виктор. — Но мы будем играть лучше. Мы будем использовать их же оружие против них.

Он повернулся к ней.

— Твоя задача, Диана, — получить полный доступ ко всем материалам дела. К каждой бумажке, к каждой видеозаписи, к каждому свидетельскому показанию. Ищи несостыковки. Ищи противоречия. Ищи все, что может поставить под сомнение версию полиции.

— Это будет непросто, — сказала Диана. — Новые законы ограничивают доступ защиты к материалам дела на начальном этапе следствия.

— Я знаю, — кивнул Виктор. — Но мы найдем способ оспорить эти ограничения. Мы должны. От этого зависит свобода Калеба и вся его дальнейшая жизнь.

Диана вернулась в свой кабинет и погрузилась в работу. Она начала с анализа медийного фона. Статьи, репортажи, посты в социальных сетях — все это формировало единый, крайне негативный образ Калеба Вэнса. Общество требовало сурового наказания, не дожидаясь суда.

Она обратила внимание на одну статью, опубликованную в популярном интернет-издании. Заголовок гласил: «Раковая опухоль общества: как богатство и вседозволенность порождают монстров». Автор статьи, известный публицист, не стеснялся в выражениях. Он называл Калеба «продуктом гнилой системы» и призывал к показательному процессу.

Диана читала статью и чувствовала, как внутри нее нарастает возмущение. Это была не просто журналистика. Это была целенаправленная кампания по дискредитации. И эта кампания была кому-то выгодна.

Она вспомнила слова Виктора о том, что нужно искать дьявола в деталях. Она начала анализировать текст статьи, обращая внимание на цитаты и ссылки. И тут она заметила нечто странное.

Автор статьи приводил слова некоего «эксперта по криминальной психологии», который утверждал, что поведение Калеба — это типичный пример того, как «негативное влияние среды возвращает убийц». Диана попыталась найти информацию об этом эксперте, но его имя нигде не упоминалось.

Это было странно. Почему авторитетное издание публикует мнение анонимного эксперта? И почему этот эксперт использует такие специфические термины, как «возвращает убийц»?

Диана решила копнуть глубже. Она начала искать информацию о похожих делах, о случаях, когда СМИ активно формировали образ преступника до суда. И она нашла то, что искала.

Она наткнулась на статью, посвященную инциденту с массовой стрельбой в Карловом университете в Праге. Автор статьи анализировал, как освещение этого события в СМИ повлияло на общественное мнение. Он утверждал, что некоторые публикации имели «скрытую дискредитацию действий полиции» и были направлены на манипуляцию общественным сознанием.

Диана читала эту статью и понимала, что видит перед собой ту же самую схему. В деле Калеба СМИ также пытались дискредитировать полицию, указывая на ее некомпетентность и неспособность предотвратить преступление. И одновременно они формировали образ Калеба как безжалостного убийцы, который должен понести суровое наказание.

Это была не просто случайность. Это была спланированная кампания. Но кто стоял за ней? И зачем им это было нужно?

Диана вспомнила фразу из статьи о стрельбе в Праге: «Все манипулятивные техники основаны на отвлечении внимания субъекта от главной цели, выгодной манипулятору».

Кто был манипулятором в деле Калеба? И от чего он пытался отвлечь внимание?

Эти вопросы не давали Диане покоя. Она понимала, что дело Калеба Вэнса — это не просто убийство. Это часть чего-то большего, чего-то темного и запутанного. И она должна была распутать этот клубок, чтобы спасти своего клиента.

Она снова взяла в руки планшет и открыла полицейские отчеты о задержании Калеба. Она начала перечитывать их, слово за словом, строчка за строчкой. Она искала несостыковки, противоречия, любые зацепки, которые могли бы помочь ей выстроить линию защиты.

Она обратила внимание на описание места преступления. Полицейские утверждали, что в кабинете Артура Вэнса не было следов борьбы. Но как это возможно, если Калед убил своего отца бронзовой статуэткой? Артур Вэнс был крупным мужчиной, он наверняка попытался бы защититься.

И тут Диана вспомнила еще одну деталь из отчетов. На статуэтке были найдены отпечатки пальцев Калеба. Но где именно они были расположены? На рукоятке? На основании?

Диана попыталась найти эту информацию в отчетах, но ее там не было. Полиция просто констатировала факт наличия отпечатков, не вдаваясь в подробности.

Это было еще одно нарушение процессуальных норм. Полиция должна была провести тщательную экспертизу орудия преступления и задокументировать все найденные на нем следы. Но они этого не сделали. Почему?

Диана понимала, что ей нужно получить доступ к результатам экспертизы. Она должна была увидеть фотографии статуэтки, должна была знать, где именно были найдены отпечатки пальцев Калеба. Только так она могла доказать, что он не убивал своего отца.

Но как получить доступ к этим материалам? Новые законы ограничивали права адвокатов на начальном этапе следствия. Полиция имела право отказывать в предоставлении информации, если считала, что это может повредить расследованию.

Диана знала, что ей придется бороться за каждый документ, за каждую фотографию. Она знала, что это будет долгая и трудная битва. Но она была готова к ней.

Она посмотрела на часы. Было уже поздно. Офис опустел, лишь в нескольких кабинетах горел свет. Диана собрала свои вещи и вышла в коридор.

Она шла по пустому коридору и думала о Калебе. О подростке, который сидел в камере, обвиняемый в убийстве своего отца. О подростке, который стал пешкой в чьей-то игре.

Она вспомнила его слова, сказанные Виктору в допросной: «Я не убивал его. Но я рад, что он мертв».

Что скрывалось за этими словами? Ненависть? Обида? Или что-то еще?

Диана понимала, что ей нужно поговорить с Калемом. Ей нужно было узнать его версию событий. Ей нужно было понять, что произошло в ту ночь в кабинете Артура Вэнса.

Она остановилась у лифта и нажала кнопку вызова. Двери открылись, и она вошла в кабину. Лифт начал спускаться вниз, унося ее в ночной город. В город, который требовал крови. В город, где правосудие превратилось в театр теней. В город, где каждый мог стать жертвой системы.

Диана смотрела на свое отражение в зеркале лифта и понимала, что ее жизнь уже никогда не будет прежней. Она вступила в игру, правила которой ей были неизвестны. Но она знала одно: она должна выиграть эту игру. Ради Калеба. Ради справедливости. Ради самой себя.

Завтра ей предстояла встреча с Калемом в изоляторе. И она должна была быть готова к ней. Она должна была задать ему правильные вопросы. Она должна была заставить его говорить.

Сможет ли она пробиться сквозь стену молчания, которую возвел вокруг себя Кaleb? Сможет ли она найти истину в этом лабиринте лжи и манипуляций? Или она станет еще одной жертвой охотничьего заказника системы?

Глава 3. Иллюзия защиты

Воздух в коридорах изолятора временного содержания был тяжелым. Диана шла следом за Виктором Стерлингом, стараясь не смотреть в зарешеченные смотровые окна стальных дверей. Из-за них доносились приглушенные звуки: кашель, шарканье ног, иногда — обрывки фраз на незнакомых языках. Новые законы, о которых без умолку твердили телевизоры, работали безотказно: камеры были переполнены.

Конвоир, грузный мужчина с равнодушным лицом, остановился перед дверью с номером 402. Он лязгнул ключами, повернул тяжелый замок и распахнул дверь.

— У вас двадцать минут, мистер Стерлинг, — бросил он, не глядя на адвокатов. — Больше не положено.

— Благодарю, офицер, — кивнул Виктор, поправляя манжеты безупречно белой рубашки.

Диана вошла в комнату для свиданий первой. Это было тесное помещение, разделенное надвое толстым пуленепробиваемым стеклом. По ту сторону, за небольшим металлическим столом, привинченным к полу, сидел Кaleb Вэнс.

Он был одет в стандартную оранжевую тюремную форму, которая казалась на нем слишком большой. Руки, скованные наручниками, лежали на столе. Лицо подростка было бледным, под глазами залегли глубокие тени. Свежий кровоподтек на скуле выделялся ярким пятном. Но больше всего Диану поразило его взгляд. Он был абсолютно пустым. Кaleb смотрел не на них, а сквозь них, словно адвокаты были лишь тенями на стене.

Виктор сел на стул, жестом предложив Диане сделать то же самое. Он не спешил начинать разговор. Стерлинг достал из портфеля папку, аккуратно положил ее на стол и несколько секунд изучал лицо своего клиента.

— Здравствуй, Калеб, — произнес Виктор своим обычным, ровным тоном. Голос передавался через небольшие отверстия в стекле, искажаясь и приобретая металлический оттенок. — Как ты себя чувствуешь?

Калеб не ответил. Он даже не моргнул.

Диана почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она читала отчеты, знала о его молчании в допросной, но видеть это живую было жутко. В этом молчании не было ни страха, ни упрямства. В нем была какая-то леденящая отстраненность.

— Я понимаю, что тебе сейчас тяжело, — продолжил Виктор, ничуть не смутившись отсутствием реакции. — Новые условия, стресс... Система пытается сломать тебя. Это их методы. Они хотят, чтобы ты почувствовал себя никем. Существом без прав, которое не может ничего сказать. Но ты не один. Мы здесь, чтобы вытащить тебя.

Диана вспомнила рассказ одного из бывших заключенных, чье дело она изучала во время учебы. Он описывал первые дни в изоляторе именно так: унижительные обыски, постоянное наблюдение, ощущение полной потери человеческого достоинства. «Ты никто и зовут тебя никак», — говорил он. Калеб сейчас выглядел именно так. Сломленным. Или, возможно, он только хотел казаться таким?

— Полиция торопится, Калеб, — вмешалась Диана, стараясь придать своему голосу мягкость. — Они хотят быстрого суда. Но мы нашли нарушения в процедуре твоего задержания. Мы можем использовать это. Нам просто нужно, чтобы ты рассказал нам свою версию событий.

Калеб медленно перевел взгляд на Диану. На мгновение ей показалось, что в его глазах мелькнула искра интереса, но она тут же погасла. Он снова отвернулся, уставившись в стену за спиной Виктора.

— Молчание — это тоже стратегия, — заметил Виктор, откидываясь на спинку стула. — В некоторых случаях оно даже полезно. Но нам нужно понимать, с чем мы работаем. Прокуратура уже готовит обвинительное заключение. Они будут давить на твою... нестабильность. На то, что ты был предоставлен сам себе.

Диана нахмурилась. Она вспомнила статью, которую читала накануне. «Негативное влияние среды». Журналисты уже начали лепить из Калеба образ монстра,

возвращенного в тепличных условиях. И Виктор, казалось, был готов подыграть этому нарративу.

— Мистер Стерлинг, — тихо сказала Диана, наклонившись к нему. — Если мы будем строить защиту на его психологическом состоянии, мы фактически признаем его вину. Нам нужны факты. Нам нужно знать, что произошло в кабинете.

— Факты, Диана, — это то, что мы сможем доказать в суде, — ответил Виктор, не сводя глаз с Калеба. — А доказывать мы будем то, что выгодно нам.

Он снова повернулся к стеклу.

— Кaleb, послушай меня внимательно. Я знаю, что ты не доверяешь системе. И правильно делаешь. Эта система — охотничий заказник. И сейчас ты — главная дичь. Но я знаю, как обойти их капканы. Мне не нужна правда. Мне нужна история, которая спасет тебя от пожизненного срока.

Диана почувствовала, как внутри нее закипает возмущение. Виктор даже не пытался выяснить истину. Он не спрашивал, убивал ли Кaleb отца. Его интересовало лишь то, как выстроить удобную версию событий.

— Мы будем затягивать процесс, — продолжал Виктор, словно читая лекцию. — Будем подавать ходатайства, требовать дополнительных экспертиз. Мы заставим их увязнуть в бумажной волоките. Чем дольше длится дело, тем больше шансов, что общественное мнение изменится. Или что они совершат ошибку.

Кaleb по-прежнему молчал, но Диана заметила, как его пальцы, сцепленные в замок, слегка побелели. Он слушал. И он понимал каждое слово.

— Но для этого нам нужна твоя помощь, Кaleb, — сказал Виктор, подаваясь вперед. — Ты должен дать нам хоть что-то. Любую деталь, за которую мы сможем зацепиться.

Тишина в комнате стала почти осязаемой. Было слышно только гудение люминесцентных ламп под потолком.

Диана смотрела на Калеба и пыталась понять, что происходит в его голове. Он был сыном одного из самых влиятельных людей в городе. Он вырос в роскоши, в окружении слуг и охраны. И теперь он сидел здесь, в этой клетке, обвиняемый в жестоком убийстве.

Она вспомнила еще один случай из своей практики. Дело о подростке, который попал под влияние деструктивной группы. Методы воздействия там были схожими: изоляция, лишение сна, постоянное психологическое давление. Цель — сломать волю, заставить человека сомневаться в собственной адекватности, внушить ему чувство вины.

Но Кaleb не был похож на жертву. В его молчании не было покорности. В нем была какая-то пугающая расчетливость.

— Вы знаете, что они делают с ним здесь? — неожиданно спросила Диана, обращаясь к Виктору. — Вы знаете, в каких условиях он содержится?

Виктор слегка повернул голову.

— О чем ты, Диана?

— Я читала отчеты о новых правилах содержания в ИВС, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Постоянное видеонаблюдение, лишение сна, психологическое давление. Они используют методы, которые ломают людей. Они пытаются заставить его признаться.

Виктор усмехнулся.

— Это стандартная процедура, Диана. Не драматизируй.

— Это не стандартная процедура! — возмутилась она, забыв о присутствии Калеба. — Это нарушение базовых прав человека. Мы должны подать жалобу. Мы должны требовать перевода в другие условия.

— Мы ничего не будем требовать, — жестко отрезал Виктор. — Мы будем использовать это. Если они перегнут палку, мы сможем заявить о давлении на следствие. Это отличный козырь для защиты.

Диана смотрела на старшего партнера с нарастающим ужасом. Он не собирался защищать Калеба от системы. Он собирался использовать страдания подростка как инструмент в своей игре.

В этот момент Кaleb поднял голову. Его взгляд, до этого пустой и отсутствующий, внезапно сфокусировался на Викторе.

— Вы не сможете их остановить, — произнес подросток. Его голос был хриплым, словно он долго не разговаривал.

Виктор слегка приподнял брови.

— Кого, Калев?

— Систему, — ответил Калев, и на его губах появилась едва заметная, кривая усмешка. — Они уже здесь. Они везде.

Диана почувствовала, как по спине пробежал холодок. В словах Калеба звучала не обреченность, а какая-то странная, извращенная уверенность. Словно он знал нечто, чего не знали они.

— Мы посмотрим, — спокойно ответил Виктор, закрывая папку. — Наше время вышло. Мы вернемся через несколько дней. А пока... постарайся не делать глупостей.

Он встал и направился к выходу. Диана задержалась на мгновение. Она посмотрела на Калеба, пытаясь найти в его глазах хоть каплю человечности. Но там была лишь ледяная пустота.

— Держись, Калев, — тихо сказала она.

Подросток не ответил. Он снова отвернулся к стене, погружаясь в свое молчание.

Когда они вышли из изолятора, на улице уже стемнело. Мелкий дождь моросил, отражаясь в лужах на асфальте. Виктор открыл зонт и направился к машине.

— Он трудный клиент, — бросил он через плечо. — Но мы с ним справимся.

Диана шла следом, погруженная в свои мысли. Она понимала, что дело Калеба Вэнса будет сложным. И дело было не только в новых законах или в агрессивном медийном фоне. Дело было в самом Калебе. И в Викторе Стерлинге.

Она начала осознавать, что в этом театре теней правосудия каждый играет свою роль. Полиция пытается быстро закрыть дело, чтобы отчитаться перед начальством. СМИ раздувают скандал, чтобы повысить рейтинги. Виктор манипулирует процедурами, чтобы выиграть процесс любой ценой.

А Калев... Какую роль играет Калев?

Диана вспомнила статью о манипуляциях общественным сознанием. «Все манипулятивные техники основаны на отвлечении внимания субъекта от главной цели, выгодной манипулятору».

Кто был главным манипулятором в этой истории? И какова была его истинная цель?

Она села в машину рядом с Виктором. Он уже достал телефон и кому-то звонил, отдавая короткие, отрывистые распоряжения. Диана смотрела на его профиль, освещенный светом уличных фонарей, и чувствовала, как в ее душе зарождается сомнение.

Она всегда восхищалась Виктором. Он был блестящим адвокатом, способным выиграть самое безнадежное дело. Но сейчас она видела перед собой человека, для которого истина не имела никакого значения. Человека, который был готов использовать любые методы, чтобы добиться своего.

Диана отвернулась к окну. Дождь усиливался, смывая с улиц грязь и следы недавних беспорядков. Но она знала, что настоящая грязь скрывается не на улицах. Она скрывается в кабинетах политиков, в студиях телеканалов, в залах судов.

И ей предстояло погрузиться в эту грязь с головой, чтобы найти правду. Даже если эта правда окажется страшнее любой лжи.

Глава 4. Тень инквизиции

Архивное помещение фирмы «Стерлинг и Партнеры», расположенное на нижнем служебном уровне небоскреба, разительно отличалось от светлых, наполненных стеклом и хромом кабинетов наверху. Здесь царил полумрак, а ряды металлических стеллажей, уставленных одинаковыми серыми коробками, казались бесконечными. Диана Росс провела здесь уже три часа, методично просматривая документы, связанные с прошлыми делами Артура Вэнса.

Она искала зацепки, хоть что-то, что могло бы объяснить, почему полиция так быстро и жестко отреагировала на убийство, почему пресса так единодушно ополчилась на Калеба, и почему Виктор Стерлинг был так уверен в своей стратегии затягивания процесса.

В одной из коробок, помеченной как «Клиентский архив А. В. — видеоматериалы», Диана нашла несколько флеш-накопителей и внешний жесткий диск. Подключив диск к

своему ноутбуку, она обнаружила десятки папок с датами десятилетней давности. Это были записи телевизионных интервью, дебатов и выступлений Артура Вэнса.

Она открыла файл, датированный октябром десятилетней давности. На экране появился молодой, но уже излучающий властность Артур Вэнс. Он сидел в студии популярного политического ток-шоу. Внизу экрана бежала строка: «Беспорядки в столице: кто стоит за протестами?».

— Мистер Вэнс, — обратился к нему ведущий, — вы, как представитель крупного бизнеса, как оцениваете текущую ситуацию на улицах?

Артур Вэнс слегка подался вперед, его взгляд был прямым и жестким.

— Я оцениваю это как угрозу, — произнес он своим глубоким, уверенным баритоном. — Угрозу не только бизнесу, но и самому фундаменту нашего общества. Мы видим, как небольшие, но хорошо организованные группы пытаются навязать свою волю большинству. Они используют свободу слова как прикрытие для деструктивной деятельности. Это — раковая опухоль общества, и если мы не примем жестких мер сейчас, она уничтожит нас изнутри.

Диана почувствовала, как по спине пробежал холодок. Эти слова звучали пугающе знакомо. Именно эту риторику сейчас использовали политики и СМИ, оправдывая введение «Пакта о защите традиционного порядка».

Она продолжила просмотр. В другом интервью, записанном несколькими месяцами позже, Артур Вэнс обсуждал необходимость реформирования законодательства.

— Мы должны понимать, — говорил он, глядя прямо в камеру, — что традиционные правовые механизмы не справляются с новыми вызовами. Когда мы сталкиваемся с сектами, с радикальными группами, которые действуют скрытно и манипулируют сознанием людей, мы не можем полагаться на устаревшие концепции, такие как абсолютная адвокатская тайна или неприкосновенность частной жизни. Эти права должны быть ограничены в интересах национальной безопасности. Мы должны дать правоохранительным органам инструменты для превентивной работы.

Диана остановила видео. Она сидела в тишине архива, и в ее голове складывался пазл. Артур Вэнс не просто комментировал события. Он формировал общественное мнение. Он создавал запрос на «жесткую руку».

Она открыла папку с документами, которая лежала рядом с коробкой видеоматериалов. Это были копии договоров, выписки со счетов, переписка с аналитическими центрами. Диана начала внимательно изучать их.

Вскоре она нашла то, что искала. Финансовые отчеты показывали, что инвестиционный фонд Артура Вэнса регулярно перечислял крупные суммы организациям, которые занимались разработкой законопроектов в сфере безопасности. Эти организации, в свою очередь, финансировали публикации в СМИ, организовывали круглые столы и конференции, на которых эксперты доказывали необходимость ограничения гражданских свобод.

Диана нашла копию аналитической записки, датированной восемью годами ранее. Документ был озаглавлен: «Обоснование необходимости ограничения адвокатской тайны в делах, связанных с угрозой национальной безопасности». В тексте записки использовались те же формулировки, что и в выступлениях Артура Вэнса: «деструктивные элементы», «превентивные меры», «защита традиционного порядка».

Она поняла, что Артур Вэнс был одним из главных архитекторов той самой системы, которая сейчас перемалывала его сына. Он лоббировал законы, которые позволяли полиции действовать без оглядки на процессуальные нормы. Он финансировал кампании по стигматизации инакомыслящих. Он создавал правовую базу для преследований.

Диана вспомнила статью, которую читала накануне. В ней упоминалось, что антикультовые организации следят за каждым и преследуют всех, кто осмеливается иметь собственное мнение, кто думает и действует не так, как предписано. И теперь она понимала, кто именно стоял за этими организациями, кто их финансировал и направлял.

Она открыла еще одно видео. Это была запись закрытого выступления Артура Вэнса перед инвесторами.

— Мы не просто зарабатываем деньги, — говорил он, расхаживая по сцене. — Мы формируем реальность. Мы создаем правила игры. И те, кто не хочет играть по нашим правилам, должны быть изолированы. Мы должны создать систему, в которой любой, кто представляет угрозу нашим интересам, может быть устранен легально и без лишнего шума.

Это было не просто лоббирование. Это было создание механизма подавления. Артур Вэнс строил свой собственный охотничий заказник системы, где он и его партнеры могли безнаказанно уничтожать конкурентов и затыкать рот критикам.

Диана почувствовала приступ тошноты. Она защищала сына человека, который уничтожил правосудие в этой стране. Человека, который превратил закон в оружие.

Но почему? Зачем Артуру Вэнсу понадобилась такая абсолютная власть?

Она продолжила изучать документы. И тут ее внимание привлекла небольшая папка, на которой не было никаких надписей. Внутри лежало несколько листов бумаги. Это были распечатки электронных писем.

Письма были адресованы Артуру Вэнсу от некоего В.С. Диана сразу поняла, кто это. Виктор Стерлинг.

Письма были датированы тем же периодом, что и аналитические записки. В них Виктор и Артур обсуждали детали законопроектов.

«Артур, — писал Виктор в одном из писем, — нам нужно более четко прописать понятие “деструктивной деятельности”. Оно должно быть достаточно широким, чтобы под него можно было подвести любую нежелательную активность, но при этом звучать достаточно юридически обоснованно, чтобы не вызывать подозрений у правозащитников. Я подготовил несколько вариантов формулировок».

В другом письме Виктор предлагал механизмы обхода адвокатской тайны: «Мы не можем просто отменить ее. Это вызовет слишком сильный резонанс. Но мы можем создать условия, при которых адвокат будет обязан раскрывать информацию, если она касается “угрозы национальной безопасности”. Это даст нам необходимый рычаг давления».

Диана читала эти письма, и ей казалось, что земля уходит из-под ног. Виктор Стерлинг не просто знал о планах Артура. Он был их соавтором. Он был юридическим мозгом этой операции. Он помогал Артуру конструировать этот репрессивный аппарат.

И теперь он защищал Калеба. Защищал его от системы, которую сам же и создал.

Зачем?

Диана вспомнила их разговор в переговорной. Виктор говорил о том, что нужно использовать новые законы в своих интересах. Он говорил о затягивании процесса, о манипуляциях общественным мнением.

Он не собирался разрушать систему. Он собирался использовать ее, чтобы выиграть дело. И, возможно, чтобы скрыть свою собственную роль в ее создании.

Диана закрыла ноутбук и потерла глаза. Она чувствовала себя так, словно оказалась в лабиринте, где каждый поворот ведет в тупик.

Она вспомнила слова Калеба в изоляторе: «Вы не сможете их остановить».

Он знал. Кaleb знал, кем был его отец. Он знал, что за система его окружает. И, возможно, он знал о роли Виктора Стерлинга.

Это объясняло его молчание. Его ледяную отстраненность. Он понимал, что суд — это всего лишь театр теней правосудия. Что приговор уже вынесен, и от него ничего не зависит.

Или, возможно, он ждал чего-то другого?

Диана снова открыла папку с письмами Виктора и Артура. На самом дне лежал еще один документ. Это был проект договора о создании некоммерческой организации, целью которой заявлялась «защита традиционных ценностей и противодействие деструктивным культам».

Среди учредителей организации значились несколько известных политиков, общественных деятелей и... Виктор Стерлинг.

Диана смотрела на этот документ, и в ее голове складывалась страшная картина. Виктор Стерлинг и Артур Вэнс не просто лоббировали законы. Они создали целую сеть организаций, которые формировали общественное мнение, стигматизировали неугодных и оправдывали репрессии. Они создали механизм, который работал автономно, перемалывая судьбы людей.

И теперь этот механизм обернулся против сына одного из своих создателей.

Диана понимала, что она должна что-то сделать. Она не могла просто играть роль пешки в этой игре. Она должна была найти способ использовать эту информацию, чтобы спасти Калеба. И чтобы остановить Виктора Стерлинга.

Но как это сделать, если вся правовая система находится под их контролем? Если законы написаны ими и для них?

Она аккуратно сложила документы обратно в папку и убрала ее в свою сумку. Она знала, что рискует, вынося эти документы из архива. Но у нее не было другого выхода. Она должна была тщательно изучить их, проанализировать каждую деталь, найти слабое место в этой безупречной, на первый взгляд, конструкции.

Диана вышла из архива и направилась к лифту. Офис уже опустел, лишь в коридорах горел дежурный свет. Она чувствовала себя так, словно несла на своих плечах тяжесть всего мира.

Она понимала, что вступает в опасную игру. Игру, в которой правила меняются на ходу, а ставки — человеческие жизни.

Но она также понимала, что не может отступить. Она должна была довести это дело до конца. Ради Калеба. Ради справедливости. И ради того, чтобы этот охотничий заказник системы когда-нибудь был разрушен.

Вернувшись домой, Диана первым делом заперла дверь на все замки и задернула шторы. Она достала из сумки папку с документами и разложила их на кухонном столе. Свет от настольной лампы выхватывал из темноты строчки писем, подписи на договорах, цифры финансовых отчетов.

Она начала читать все заново, делая пометки в блокноте. Она выстраивала хронологию событий, связывала имена, организации, законопроекты. Она искала закономерности.

И она нашла их.

Она обнаружила, что каждый раз, когда в обществе возникало недовольство, когда люди начинали задавать вопросы или протестовать, в СМИ появлялась серия публикаций о «деструктивных сектах» или «радикальных группах». Эти публикации сопровождались комментариями «экспертов», которые требовали жестких мер. И вскоре после этого принимался очередной закон, ограничивающий гражданские свободы.

Это была отработанная схема. Манипуляция общественным сознанием, отвлечение внимания от реальных проблем, создание образа врага. И все это финансировалось Артуром Вэнсом и юридически оформлялось Виктором Стерлингом.

Диана нашла копию документа, который подтверждал ее худшие опасения. Это был внутренний меморандум юридической фирмы «Стерлинг и Партнеры», датированный несколькими месяцами ранее. В нем Виктор Стерлинг давал указания своим сотрудникам о том, как использовать новые законы для давления на оппонентов в коммерческих спорах.

«Мы должны активно применять положения “Пакта о защите традиционного порядка”, — писал Виктор. — Если наш оппонент проявляет несговорчивость, мы можем инициировать проверку его деятельности на предмет связей с деструктивными организациями. Это позволит нам заблокировать его счета, ограничить доступ к информации и, в конечном итоге, принудить к выгодному для нас соглашению».

Это было прямое доказательство того, что Виктор Стерлинг использовал репрессивные законы в своих корыстных целях. Он превратил правосудие в инструмент шантажа и вымогательства.

Диана смотрела на этот документ, и ее руки дрожали. Она держала в руках бомбу, которая могла уничтожить Виктора Стерлинга. Но она также понимала, что если она попытается использовать эту информацию, она сама станет мишенью.

Она вспомнила статью о методах подавления инакомыслия. В ней описывалось, как антикультовые организации фабриковали обвинения, запугивали свидетелей, разрушали карьеры и жизни людей, которые пытались им противостоять.

Диана понимала, что с ней могут сделать то же самое. Виктор Стерлинг не остановится ни перед чем, чтобы защитить себя.

Она должна была действовать осторожно. Она должна была найти союзников. Людей, которые не боятся системы. Людей, которые готовы бороться за правду.

Она посмотрела на часы. Было уже за полночь. Она чувствовала невероятную усталость, но спать не хотелось. Ее мозг работал на пределе возможностей, просчитывая варианты, выстраивая стратегии.

Она взяла в руки последний документ из папки. Это была распечатка статьи из малоизвестного интернет-издания, датированная несколькими годами ранее. Статья была посвящена расследованию деятельности одной из организаций, финансируемых Артуром Вэнсом.

Автор статьи утверждал, что эта организация занималась не только пропагандой, но и сбором информации о политических оппонентах, журналистах и общественных деятелях. Он приводил доказательства того, что эта информация использовалась для шантажа и дискредитации.

Статья заканчивалась словами: «Они создали монстра, который питается страхом и ненавистью. И этот монстр не остановится, пока не поглотит нас всех. Если мы не найдем способ разрушить эту систему изнутри, она уничтожит наше общество».

Диана перечитала эти слова несколько раз. «Разрушить систему изнутри».

Возможно, именно это пытался сделать Кaleb?

Возможно, его молчание, его холодность — это не просто шок или защитная реакция. Возможно, это часть какого-то плана? Плана, который он вынашивал годами, наблюдая за тем, как его отец и Виктор Стерлинг создают этот репрессивный аппарат.

Диана понимала, что это лишь догадка. Но она должна была проверить ее. Она должна была найти способ пробиться сквозь броню Калеба. Она должна была заставить его говорить.

Она сложила документы в папку и спрятала ее в сейф. Она знала, что завтра ее ждет тяжелый день. Судебный процесс должен был вот-вот начаться. И она должна была быть готова к любым неожиданностям.

Она подошла к окну и посмотрела на ночной город. Город, который спал, не подозревая о том, какие темные силы управляют его судьбой. Город, который стал заложником страха и манипуляций.

Диана знала, что она всего лишь песчинка в этом огромном механизме. Но она также знала, что иногда даже одна песчинка может остановить работу самых сложных часов.

Она выключила свет и легла в постель. Завтра начнется битва. Битва не только за будущее Калеба Вэнса, но и за будущее этого города. За будущее, в котором правосудие не будет театром теней, а законы не будут оружием в руках тиранов.

Глава 5. Театр правосудия

Зал суда номер 402 в здании Высшего суда штата больше напоминал бункер, чем место отправления правосудия. Окна были закрыты бронепанелями еще во время реконструкции здания в прошлом году, а стены обшиты звукопоглощающими панелями цвета темного ореха. В воздухе висел запах полироли и сухого, переохлажденного воздуха из кондиционеров, работавших на полную мощность.

Диана сидела за столом защиты, перебирая бумаги. Она чувствовала себя неуютно в этом замкнутом пространстве, где каждый звук казался неестественно громким. Рядом с ней сидел Калеб Вэнс, одетый в темно-синий костюм, который делал его бледное лицо еще более призрачным. Он по-прежнему хранил молчание, глядя прямо перед собой невидящим взглядом.

Позади них, на скамьях, где обычно располагалась публика и пресса, было пусто. Ни одного журналиста, ни одного зеваки. Только два судебных пристава с непроницаемыми лицами, стоящие у дверей.

Виктор Стерлинг стоял у кафедры, обращаясь к судье Харрисону — седовласому мужчине с суровым лицом, известному своей приверженностью новым законам.

— Ваша честь, — голос Виктора звучал ровно и уверенно, заполняя тишину зала. — Защита ходатайствует о проведении данного судебного разбирательства в закрытом режиме, с полным исключением прессы и публики.

Судья Харрисон нахмурился, перебирая бумаги на своем столе.

— Мистер Стерлинг, вы понимаете, что это беспрецедентная мера для дела об убийстве? Общество имеет право знать...

— Общество, ваша честь, уже вынесла свой приговор, — мягко, но настойчиво перебил его Виктор. — Мы все видели, что происходило в СМИ в последние недели. Мой клиент подвергся беспрецедентной травле. Его жизнь, его психологическое состояние — все это стало предметом публичного обсуждения и манипуляций.

Виктор сделал паузу, позволяя своим словам повиснуть в воздухе. Диана наблюдала за ним, поражаясь его хладнокровию. Он использовал ту самую медийную кампанию,

которую, как она подозревала, сам же и помог организовать, в качестве аргумента для закрытия процесса.

— Но главное основание для нашего ходатайства, — продолжил Виктор, — это положения нового «Пакта о защите традиционного порядка». Статья 14, пункт 3, позволяет закрыть судебное заседание, если открытое разбирательство может нанести ущерб государственной морали или привести к разглашению информации, угрожающей национальной безопасности.

Судья Харрисон поднял брови.

— Угроза национальной безопасности? В деле об убийстве на бытовой почве?

— Убит не просто человек, ваша честь, — голос Виктора стал чуть громче. — Убит Артур Вэнс. Человек, чьи связи с государственными структурами, чьи финансовые операции и чья роль в формировании текущего политического курса общеизвестны. В ходе процесса неизбежно всплывут детали его личной жизни, его контактов, его методов работы. Эти детали могут быть использованы деструктивными элементами для дестабилизации обстановки в стране.

Диана почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Виктор играл по-крупному. Он не просто защищал Калеба. Он защищал наследие Артура Вэнса — и свое собственное. Он создавал непроницаемый купол над этим процессом, чтобы никто не смог заглянуть внутрь и увидеть истинные механизмы работы системы.

Прокурор, молодая и амбициозная женщина по фамилии Мартинес, вскочила со своего места.

— Ваша честь, это абсурд! Защита пытается использовать закон о национальной безопасности, чтобы скрыть факты жестокого убийства! Это прямое нарушение принципа гласности судопроизводства.

— Гласность, мисс Мартинес, не является абсолютной ценностью, когда речь идет о выживании нашего общества, — парировал Виктор, даже не повернув головы в ее сторону. — Мы не можем позволить, чтобы этот зал суда превратился в трибуну для радикалов и провокаторов.

Судья Харрисон откинулся на спинку кресла, задумчиво потирая подбородок. Диана видела, что он колеблется. С одной стороны, закрытие процесса такого масштаба

вызовет бурю негодования в прессе. С другой стороны, аргументы Виктора, подкрепленные ссылками на новые, еще не обкатанные в судах законы, звучали весомо.

— Суд объявляет перерыв для рассмотрения ходатайства, — наконец произнес судья, ударив молотком.

Когда судья покинул зал, Виктор вернулся к столу защиты. Он сел рядом с Дианой, ничем не выдав своего напряжения.

— Вы думаете, он согласится? — тихо спросила она.

— У него нет выбора, — ответил Виктор, не глядя на нее. — Он часть системы. А система защищает сама себя.

Диана посмотрела на Калеба. Он по-прежнему сидел неподвижно, словно статуя. Казалось, происходящее в зале суда его совершенно не касается.

— Кaleb, — позвала она его, стараясь, чтобы ее голос звучал мягко. — Ты понимаешь, что сейчас происходит?

Он медленно повернул к ней голову. Его глаза, темные и пустые, на мгновение встретились с ее взглядом.

— Они строят стены, — произнес он едва слышно. — Чтобы никто не увидел, что внутри.

Диана вздрогнула. В этих словах было больше смысла, чем во всех юридических аргументах Виктора.

Через двадцать минут судья Харрисон вернулся в зал. Его лицо было непроницаемым.

— Суд рассмотрел ходатайство защиты, — произнес он, глядя поверх очков на присутствующих. — Учитывая личность убитого, а также потенциальную угрозу разглашения информации, касающейся национальной безопасности, суд удовлетворяет ходатайство. Судебные заседания по делу Калеба Вэнса будут проходить в закрытом режиме. Пресса и публика в зал допускаться не будут.

Прокурор Мартинес возмущенно выдохнула, но промолчала. Виктор Стерлинг позволил себе едва заметную улыбку.

Театр теней правосудия официально открыл свой сезон.

Первые дни процесса были посвящены процедурным вопросам и отбору присяжных. Но и здесь Виктор проявил чудеса манипуляции. Используя все те же поправки о «защите государственной морали», он добился исключения из списка кандидатов всех, кто когда-либо высказывал критические взгляды в адрес правительства, участвовал в протестах или просто имел подписку на независимые издания.

— Нам нужны люди, которые понимают ценность порядка, — объяснял он Диане свою стратегию. — Люди, которые боятся хаоса. Они будут более восприимчивы к нашей версии событий.

В результате скамья присяжных была заполнена людьми среднего и старшего возраста, с консервативными взглядами, чьи лица выражали смесь страха и решимости. Это были идеальные зрители для спектакля, который собирался разыграть Виктор.

Настоящая битва началась, когда обвинение перешло к представлению доказательств. Прокурор Мартинес начала с самого очевидного — с экспертизы орудия убийства.

Она вызвала на место свидетеля доктора Алана Грина, судмедэксперта с многолетним стажем. Грин, тучный мужчина с одышкой, подробно описал характер травм, нанесенных Артуру Вэнсу, и подтвердил, что они были причинены бронзовой статуэткой Фемиды, найденной на месте преступления.

— Доктор Грин, — обратилась к нему прокурор Мартинес. — Были ли найдены на орудии преступления отпечатки пальцев обвиняемого?

— Да, — ответил эксперт, поправляя очки. — Отпечатки пальцев Калеба Вэнса были обнаружены на основании статуэтки.

Прокурор победно посмотрела на скамью присяжных.

— Спасибо, доктор. У меня больше нет вопросов.

Виктор Стерлинг неспешно поднялся со своего места и подошел к кафедре.

— Доктор Грин, — начал он своим ровным, гипнотическим голосом. — Вы утверждаете, что отпечатки моего клиента были найдены на основании статуэтки. Не на рукоятке, за которую, как логично предположить, должен был держаться убийца, нанося удары, а на основании. Я правильно вас понял?

— Да, все верно, — ответил Грин, слегка нахмурившись.

— Скажите, доктор, а могли ли эти отпечатки появиться там, скажем, за несколько часов до убийства? Например, если мой клиент просто переставлял статуэтку во время уборки кабинета?

— Это возможно, — неохотно признал эксперт.

— А были ли на статуэтке найдены следы крови моего клиента?

— Нет.

— А следы крови жертвы поверх отпечатков моего клиента?

— Нет. Кровь была в основном на верхней части статуетки.

Виктор выдержал эффектную паузу.

— Таким образом, доктор Грин, наличие отпечатков моего клиента на основании статуетки не доказывает, что именно он наносил ею удары. Это доказывает лишь то, что он когда-то прикасался к ней. Верно?

— С технической точки зрения — да, — процедил сквозь зубы Грин.

Виктор кивнул и вернулся на свое место. Он только что посеял первое зерно сомнения в умах присяжных.

Диана наблюдала за ним со смесью восхищения и отвращения. Он был виртуозом. Он разрушал аргументы обвинения не фактами, а предположениями, заставляя присяжных сомневаться в очевидном.

Но настоящий шок ждал Диану на следующий день, когда Виктор вызвал своего первого свидетеля защиты.

Это был доктор Ричард Эванс, представленный как «эксперт в области криминальной психологии и деструктивного влияния». Эванс, подтянутый мужчина с пронзительным взглядом, уверенно занял место на свидетельской трибуне.

Диана вспомнила, где она видела это имя. Оно фигурировало в тех самых документах, которые она нашла в архиве. Эванс был одним из тех «карманных» экспертов, которых финансировал Артур Вэнс для создания нужного информационного фона в СМИ.

— Доктор Эванс, — начал Виктор, — вы ознакомились с материалами дела и историей моего клиента?

— Да, мистер Стерлинг, — ответил эксперт. — Я провел тщательный анализ.

— И к каким выводам вы пришли?

Эванс повернулся к присяжным.

— Мой анализ показывает, что Калеб Вэнс долгое время находился под воздействием мощного психологического давления. Он вырос в среде, где доминировала фигура отца, человека властного и бескомпромиссного. Эта среда, в сочетании с изоляцией от нормальных социальных контактов, создала идеальные условия для формирования глубокой психологической травмы.

Диана слушала его и не верила своим ушам. Эванс использовал те же самые аргументы, которые СМИ использовали для демонизации Калеба, но переворачивал их с ног на голову. Он превращал Калеба из «избалованного монстра» в жертву обстоятельств.

— Вы хотите сказать, доктор, что мой клиент не контролировал свои действия в момент убийства? — спросил Виктор.

— Я хочу сказать, что его действия могли быть спровоцированы длительным стрессом и ощущением безысходности, — ответил Эванс. — В таких случаях человек может действовать в состоянии крайнего эмоционального возбуждения, не осознавая последствий своих поступков.

Прокурор Мартинес вскочила с места.

— Ваша честь, протестую! Доктор Эванс не является психиатром и не проводил клинического обследования обвиняемого. Его выводы основаны исключительно на анализе документов и носят спекулятивный характер!

Судья Харрисон посмотрел на Виктора.

— Мистер Стерлинг?

— Ваша честь, доктор Эванс является признанным экспертом в области влияния деструктивной среды на поведение человека, — спокойно ответил Виктор. — Его показания имеют прямое отношение к пониманию мотивов моего клиента.

Судья кивнул.

— Протест отклонен. Продолжайте, мистер Стерлинг.

Диана сидела неподвижно, чувствуя, как внутри нее нарастает паника. Она понимала, что сейчас происходит. Виктор не просто защищал Калеба. Он использовал процесс, чтобы легализовать методы, созданные Артуром Вэнсом.

Он использовал «карманного» эксперта, чтобы сформировать нужный нарратив. Он манипулировал фактами, играл на страхах присяжных, использовал лазейки в новых законах. Он превратил зал суда в свою личную лабораторию, где он мог безнаказанно экспериментировать с человеческими судьбами.

Как известно, экспертиза — это «царица доказательств» в судебном процессе. И Виктор Стерлинг прекрасно это понимал. Он знал, что суд может принять во внимание только то, что посчитает нужным, и выстроить решение на фундаменте, которым является экспертиза, даже если этот фундамент кривой. В результате ошибка эксперта — или, в данном случае, его предвзятость — превращается в судебную ошибку.

Диана вспомнила документы из архива. В них описывались схемы производства «репрессивных экспертиз», когда правовой институт юстиции, призванный защищать истину, использовался для запуска механизма государственных репрессий. И сейчас она видела эту схему в действии. Деятельность таких «экспертов», как Эванс, мало походила на науку. Это была сознательная и скоординированная работа по фабрикации «доказательств» под заранее заданный результат.

Основой для безнаказанного использования таких псевдоэкспертиз служила сама конфигурация законов, которая создавала «серые зоны». Ключевая норма, предусматривающая ответственность за заведомо ложные экспертные заключения, на практике не работала, так как доказать «умышленную ложность» было практически невозможно. Эта встроенная уязвимость стала питательной средой для системы фабрикации дел.

Виктор Стерлинг знал об этих уязвимостях. Более того, он сам помогал их создавать. Для него было выгодно постоянное внесение поправок в законодательство, которые де-факто легализовали его методы работы.

Диана посмотрела на Калеба. Он по-прежнему сидел с пустым взглядом, не реагируя на происходящее. Казалось, он смирился со своей ролью пешки в этой игре.

Но Диана не могла смириться. Она не могла позволить Виктору Стерлингу безнаказанно манипулировать правосудием. Она должна была найти способ остановить его.

Она начала лихорадочно просматривать свои записи, пытаясь найти слабое место в показаниях доктора Эванса. Она должна была доказать, что он предвзят, что его выводы не имеют научной основы, что он просто выполняет заказ Виктора Стерлинга.

Но как это сделать, если процесс закрыт от прессы? Если судья Харрисон явно симпатизирует защите? Если присяжные уже готовы поверить в версию о «жертве обстоятельств»?

Вечером, после окончания судебного заседания, Диана осталась в офисе одна. Она сидела за своим столом, окруженная горами документов, и чувствовала себя абсолютно беспомощной.

Она понимала, что Виктор Стерлинг выигрывает этот процесс. Он выигрывает его не потому, что Калев невинен, а потому, что он лучше всех умеет играть по правилам этого охотничьего заказника системы.

Она вспомнила слова Калеба: «Они строят стены. Чтобы никто не увидел, что внутри».

Эти стены становились все выше и крепче. И Диана понимала, что если она не найдет способ пробить их, правда навсегда останется похороненной под обломками правосудия.

Она открыла ноутбук и начала искать информацию о докторе Эвансе. Она должна была найти хоть что-то, что могло бы его дискредитировать. Любую связь с организациями Артура Вэнса, любые сомнительные публикации, любые свидетельства его ангажированности.

Она провела за компьютером несколько часов, просматривая базы данных, архивы статей, форумы. И наконец, глубоко за полночь, она нашла то, что искала.

Это была копия электронного письма, датированного несколькими годами ранее. Письмо было адресовано доктору Эвансу от некоего В.С.

«Ричард, — говорилось в письме, — нам нужно ваше экспертное заключение по делу о закрытии благотворительного фонда “Свет”. Фонд финансирует оппозиционные издания, и нам нужно доказать, что их деятельность носит деструктивный характер и угрожает традиционным ценностям. Оплата, как обычно, через счет на Каймановых островах. Жду вашего ответа».

Диана смотрела на экран, и ее сердце билось так сильно, что казалось, оно вот-вот вырвется из груди. Это было веское доказательство того, что доктор Эванс был купленным экспертом, выполняющим заказы Виктора Стерлинга.

Она распечатала письмо и спрятала его в сейф. Она знала, что этот документ — ее главный козырь. Но она также знала, что использовать его будет невероятно опасно.

Если она предъявит это письмо в суде, она не только дискредитирует доктора Эванса, но и обвинит Виктора Стерлинга в подкупе эксперта и фабрикации доказательств. Это будет означать конец ее карьеры, а возможно, и нечто худшее. Система не прощает тех, кто пытается ее разрушить.

Диана подошла к окну и посмотрела на ночной город. Завтра ей предстояло принять самое важное решение в своей жизни. Она должна была выбрать: остаться в безопасности и позволить Виктору Стерлингу продолжать свой спектакль, или рискнуть всем и попытаться вывести правду на свет.

Она вспомнила пустой взгляд Калеба, его слова о стенах. Она поняла, что не может оставить его одного в этой темноте. Она должна была разрушить эти стены, даже если они обрушатся прямо на нее.

Глава 6. Анатомия страха

Дождь в Нью-Йорке умеет быть навязчивым. Он не смывает грязь, а лишь размазывает ее по асфальту, превращая город в тусклое, серое месиво. Диана Росс сидела за дальним столиком в полупустом дайнере на окраине Квинса, наблюдая, как капли стекают по мутному стеклу витрины. Заведение пахло пережаренным беконом и дешевым кофе — запах, который казался ей сейчас самым честным в этом городе.

Она ждала Марка Дэвиса. Десять лет назад он был ведущим репортером криминальной хроники в одной из крупнейших газет города. Сейчас он писал статьи для малоизвестных блогов под псевдонимом и работал ночным диспетчером в службе такси. Диана нашла его имя в архивах Артура Вэнса — Марк был одним из немногих, кто

пытался расследовать связи инвестиционного фонда с медийными кампаниями, пока его карьере не уничтожили одним звонком.

Колокольчик над дверью звякнул. В дайнер вошел сутулый мужчина в потертой кожаной куртке, с которого ручьями стекала вода. Он огляделся, заметил Диану и, тяжело ступая, подошел к столику.

— Вы не похожи на человека, который заказывает такси в Квинс в такое время, — произнес он, садясь напротив и стряхивая воду с воротника.

— А вы не похожи на человека, который забыл, как проводить расследования, Марк, — ответила Диана, пододвигая к нему чашку черного кофе, которую заказала заранее.

Дэвис криво усмехнулся, обхватив чашку озябшими руками. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, казалось серым при тусклом свете неоновой вывески.

— Расследования сейчас никому не нужны, мисс Росс. Сейчас нужен правильный нарратив. Вы же адвокат, должны это понимать. Особенно работая на Стерлинга.

Диана проигнорировала выпад. Она достала из сумки тонкую папку и положила ее на стол.

— Я здесь не от имени Виктора Стерлинга. Я здесь потому, что пытаюсь понять, как работает механизм, который он и Артур Вэнс запустили. И мне нужна ваша помощь.

Дэвис с подозрением посмотрел на папку, но не притронулся к ней.

— Вы играете с огнем. Эти люди не прощают любопытства. Я живое тому доказательство.

— Я знаю, что с вами сделали, Марк, — мягко сказала Диана. — Я читала вашу статью о фонде «Свет». Ту самую, которую так и не опубликовали. Вы были правы. Они финансировали не только экспертов, но и целые новостные кампании.

Дэвис сделал большой глоток кофе, поморщился от горечи и откинулся на спинку стула.

— Это было только начало. Вы даже не представляете масштабов. То, что мы видим по телевизору — это не новости. Это сценарий.

Он подался вперед, понизив голос.

— Вы помните беспорядки пять лет назад? Те самые, после которых приняли первую волну ограничительных законов?

Диана кивнула. Это было время, когда улицы города действительно казались опасными, а вечерние выпуски новостей напоминали сводки с фронта.

— Я тогда работал «в поле», — продолжил Дэвис. — Мы освещали протесты. Да, там были стычки с полицией, были разбитые витрины. Но то, что показывали в эфире, не соответствовало реальности. Масштаб был искусственно раздут.

Диана достала блокнот.

— Как именно?

— Через фокус, — ответил журналист. — Операторам давали четкие инструкции: снимать только агрессию. Если на площади тысяча мирных демонстрантов и десять провокаторов, которые жгут мусорный бак, камера должна показывать только этот горящий бак. Крупным планом. С разных ракурсов. В эфир шли только кадры насилия, сопровождаемые тревожной музыкой и комментариями о «неконтролируемом хаосе».

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Знаете, что самое страшное? Это работает. Манипулирование чувством страха, стимулирование у аудитории страха перед агрессией и насилием... Это скрытая диверсия, дестабилизирующая общество путём навязывания определённых агрессивных установок. Люди начинают верить, что мир вокруг них рушится, и сами требуют, чтобы кто-то навел порядок. Любой ценой.

Диана вспомнила статьи, которые изучала накануне. Исследования показывали, что регулярное потребление негативных новостей может формировать у читателя искажённое восприятие реальности, картину «ужасного мира». Это не просто портит настроение — такая медиасреда способна усиливать тревожность, исказить оценку риска и делать людей более уязвимыми для манипуляций.

— Вы говорите о провокаторах, — сказала Диана, делая пометку в блокноте. — Кто их нанимал?

Дэвис пожал плечами.

— Напрямую — никто. Это работает тоньше. Создаются организации, которые якобы борются за социальную справедливость. Они получают гранты через цепочку

подставных фондов. Те самые фонды, которые финансировал Вэнс. Эти организации нанимают радикалов, оплачивают им билеты, проживание, обеспечивают экипировкой. А потом, когда начинается протест, эти радикалы делают свою работу. Они создают картинку для новостей.

Он замолчал, глядя в окно на проезжающую мимо полицейскую машину с включенными проблесковыми маячками.

— А потом в дело вступают журналисты, — тихо произнес он.

Диана нахмурилась.

— Журналисты, которые специализируются на нагнетании паники. Они берут один инцидент и раскручивают его до масштабов национальной катастрофы. Они акцентируют внимание на мотивах преступников, героизируют их, создают интригу, заставляя людей с нетерпением ждать новых публикаций.

Диана вспомнила документы, которые она нашла в архиве. Там описывались схемы работы подобных журналистов. Что главное в этом деле — правильно построить сюжет и создать интригу. Указывается на то, что нужно создавать яркие, красочные обложки с интригующими заголовками, чтобы привлечь внимание. Подчёркивается, что событие следует описывать в мельчайших подробностях, добавляя в каждую публикацию всё больше деталей.

— И какова их цель? — спросила Диана. — Просто рейтинги?

Дэвис покачал головой.

— Рейтинги — это побочный продукт. Главная цель — дискредитация. Приводятся примеры того, как необходимо дискредитировать правоохранительные органы и действующую власть. Они создают ощущение, что государство не справляется. Что нужны новые, более жесткие меры.

Он посмотрел Диане прямо в глаза.

— Это управляемый процесс. За этими журналистами стоит целая лаборатория специалистов, изучающая сознание людей. Они обладают пониманием механизмов, лежащих в основе желаний, и знают, каким образом определённые стимулы могут быть расшифрованы подсознанием человека в выгодном им ключе.

Диана почувствовала холодок, пробежавший по спине. Она поняла, что имеет в виду Дэвис. Артур Вэнс и Виктор Стерлинг не просто лоббировали законы. Они создали систему, которая сама генерировала спрос на эти законы. Они создавали проблему, а затем предлагали решение, которое неизбежно приводило к ограничению свобод.

— Вы можете это доказать? — спросила она, пододвигая папку ближе к нему. — У вас остались документы? Имена? Даты?

Дэвис долго смотрел на папку. В его глазах боролись страх и остатки профессиональной гордости. Наконец, он вздохнул и открыл ее. Внутри лежал единственный лист бумаги. Это была копия финансового отчета, который Диана нашла в архиве. В нем фигурировали суммы, переведенные фондом Вэнса на счета нескольких медиа-холдингов.

— Это только верхушка айсберга, — сказал Дэвис, пробегая глазами по строчкам. — Они финансировали не только СМИ. Они финансировали исследования.

Он достал из внутреннего кармана куртки сложенный вчетверо лист бумаги и положил его поверх отчета Дианы.

— Я сохранил это. На всякий случай. Может быть, вы сможете найти этому применение.

Диана развернула лист. Это была копия внутреннего меморандума одной из аналитических компаний, работавших на фонд Вэнса. Документ был датирован мартом, шесть лет назад — за несколько месяцев до принятия очередного пакета ограничительных законов.

«Тема: Оценка эффективности медиа-кампании “Угроза изнутри”», — гласил заголовок.

Диана начала читать, и с каждой строчкой ее ужас нарастал.

В меморандуме подробно описывались результаты исследования влияния негативных новостей на психическое состояние населения. Приводились данные о том, как информация о терактах и беспорядках повышает уровень тревожности и делает людей более восприимчивыми к авторитарным идеям.

«...высокая острая стрессовая реакция после терактов 11 сентября была связана примерно с 53-процентным увеличением частоты диагностированных сердечно-

сосудистых проблем в течение следующих трёх лет...» — цитировалось в документе какое-то медицинское исследование.

Но самое страшное было не в цифрах. Самое страшное было в выводах.

«Анализ показывает, что поддержание стабильно высокого уровня тревожности в обществе является необходимым условием для успешного продвижения законодательных инициатив, направленных на расширение полномочий правоохранительных органов. Рекомендуется усилить акцент на непредсказуемости угроз и неэффективности существующих механизмов защиты».

Диана подняла глаза на Дэвиса.

— Они сознательно сводили людей с ума, — прошептала она.

— Они готовили почву, — поправил ее журналист. — Охотничий заказник системы не строится за один день. Сначала нужно убедить дичь, что за забором еще опаснее.

Он допил свой кофе и встал.

— Будьте осторожны, мисс Росс. Вы пытаетесь заглянуть за кулисы театра теней правосудия. А там не любят зрителей.

Дэвис повернулся и пошел к выходу. Диана осталась сидеть за столиком, глядя на меморандум. В этом документе не было ни слова о Калебе Вэнсе. Но он объяснял все. Он объяснял, почему полиция действовала так жестко. Почему пресса так единодушно осудила подростка. Почему Виктор Стерлинг был так уверен в своей безнаказанности.

Система была настроена на то, чтобы перемалывать людей. И Калев был лишь одной из многих жертв этой машины, питающейся страхом.

Диана аккуратно сложила меморандум и убрала его в сумку. Дождь за окном продолжал идти, смывая следы, но она знала, что некоторые вещи смыть невозможно. Страх, который въелся в стены этого города, был делом рук конкретных людей. И теперь у нее было доказательство.

Она вышла из дайнера в сырую нью-йоркскую ночь. Воздух был холодным и резким. Диана глубоко вдохнула, чувствуя, как в ней зарождается новая решимость. Она больше не была просто адвокатом, защищающим сложного клиента. Она стала свидетелем преступления, масштаб которого выходил далеко за рамки одного убийства в Гринвиче.

Она знала, что впереди ее ждут трудные решения. Использовать эти документы означало бросить вызов не только Виктору Стерлингу, но и всей системе, которую он представлял. Это означало рискнуть карьерой, а возможно, и жизнью.

Но, глядя на темные окна домов, за которыми спали люди, отравленные ежедневной порцией страха, Диана понимала, что у нее нет выбора. Анатомия этого страха была раскрыта. Осталось лишь найти способ остановить тех, кто его производил.

Она достала телефон и набрала номер. Гудки шли долго.

— Да? — раздался сонный голос на другом конце провода.

— Нам нужно встретиться, — сказала Диана, глядя на отражение неоновой вывески в луже. — Завтра утром. У меня есть кое-что, что изменит ход этого процесса.

Она сбросила вызов, не дожидаясь ответа, и зашагала к ближайшей станции метро. Тень инквизиции, нависшая над городом, казалась плотной и непроницаемой, но Диана знала, что даже в самой густой тени всегда есть уязвимое место. Нужно только знать, куда нанести удар.

Глава 7. Свидетели обвинения

Зал суда номер 402, превращенный Виктором Стерлингом в герметичную капсулу, казался еще более душным, чем обычно. Воздух вибрировал от напряжения, хотя никто не произносил ни слова. Диана Росс сидела за столом защиты, перебирая бумаги, но ее мысли были далеко. Она думала о Марке Дэвисе, о ночном дайнере в Квинсе и о меморандуме, который теперь лежал в сейфе ее офиса. Документ, доказывающий, что страх, пропитавший этот город, был синтезирован искусственно.

Сегодняшнее заседание должно было стать кульминацией стратегии Виктора. Сегодня на свидетельскую трибуну поднималась Элеонора Вэнс — вдова Артура и мать Калеба.

Элеонора вошла в зал с грацией, которая казалась неуместной в этих мрачных стенах. На ней было строгое черное платье, подчеркивающее ее хрупкость. Бледное

лицо, лишенное косметики, и слегка дрожащие руки создавали образ женщины, сломленной горем. Но Диана, наблюдавшая за ней, не могла отделаться от ощущения, что эта хрупкость — лишь маска.

Она вспомнила, как Элеонора вела себя в день убийства: холодная, собранная, отдающая распоряжения прислуге, пока в кабинете ее мужа работала полиция. И теперь эта внезапная трансформация в жертву.

Виктор Стерлинг, одетый в свой безупречный серый костюм, подошел к кафедре. Его голос был мягким, почти бархатным.

— Миссис Вэнс, — начал он, — я понимаю, как тяжело вам сейчас находиться здесь. Но суд должен услышать правду о том, что происходило в вашем доме.

Элеонора кивнула, опустив глаза.

— Расскажите нам о вашем муже, Артуре Вэнсе. Каким он был человеком в семье?

Элеонора сделала глубокий вдох, словно собираясь с силами.

— Артур был... сложным человеком, — ее голос дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. — Он привык контролировать все. Свой бизнес, своих партнеров, свою семью. Для него не существовало компромиссов. Было только два мнения: его и неправильное.

Виктор сделал паузу, позволяя присяжным впитать эти слова.

— Как это выражалось в повседневной жизни?

— Он контролировал каждый мой шаг, — продолжила Элеонора, глядя на свои сцепленные руки. — С кем я общаюсь, куда хожу, что покупаю. Если я пыталась возразить, он выходил из себя. Он мог неделями не разговаривать со мной, мог унижать меня прислуге. Он создавал атмосферу постоянного страха.

Диана наблюдала за присяжными. Они слушали затаив дыхание. Образ тирана, который рисовала Элеонора, идеально ложился на их собственные страхи, возвращенные медийными кампаниями. Они уже привыкли бояться «деструктивных элементов» на улицах, и теперь им показывали такого же тирана в стенах роскошного особняка.

— А как он относился к Калебу? — спросил Виктор, чуть повысив голос.

Элеонора подняла глаза, и на мгновение в них мелькнуло что-то жесткое.

— Он требовал от него невозможного. Кaleb должен был быть идеальным во всем: в учебе, в спорте, в поведении. Любая оплошность наказывалась. Артур мог часами отчитывать его за малейшую ошибку, внушая ему, что он ничтожество. Он ломал его волю, день за днем.

Диана вспомнила документы, которые она нашла в архиве. Там описывались методы, применяемые антикультвыми организациями для «депрограммирования» жертв. Интенсивная психологическая обработка, внушение чувства вины, разрушение личности — все это использовалось для того, чтобы заставить человека отказаться от своих убеждений.

Элеонора описывала Артура так, словно он применял эти же методы к собственному сыну. Он превратил свой дом в миниатюрную копию того охотничьего заказника системы, который он выстраивал в масштабах страны.

— Были ли случаи физического насилия? — спросил Виктор, и в зале повисла звенящая тишина.

Элеонора долго молчала, прежде чем ответить.

— Да, — прошептала она. — Не часто, но... это случалось. Если Кaleb пытался защитить меня или просто осмеливался возразить отцу.

Прокурор Мартинес вскочила с места.

— Протестую, ваша честь! В материалах дела нет ни одного заявления в полицию о домашнем насилии в семье Вэнс.

Судья Харрисон посмотрел на Виктора.

— Мистер Стерлинг?

— Ваша честь, — спокойно ответил Виктор, — мы говорим о семье одного из самых влиятельных людей в городе. Люди такого уровня не выносят сор из избы. Страх перед оглаской, страх перед местью — вот что заставляло миссис Вэнс молчать все эти годы.

Судья кивнул.

— Протест отклонен. Продолжайте, свидетель.

Диана смотрела на Элеонору и не могла отделаться от ощущения фальши. Ее показания были слишком гладкими, слишком идеальными. Она говорила правильные

слова, делала правильные паузы, но в ее голосе не было настоящей боли. Это была не исповедь жертвы. Это была отрепетированная роль.

Она вспомнила статью, которую читала недавно. В ней описывалось, как антикультовые организации фабриковали «жертв», используя шантаж и психологическое давление. Женщину, обвиняемую в преступлениях, заставили поверить в то, что она действовала под влиянием «промыывания мозгов», и после шести месяцев тюремного заключения она превратилась в активного рупора обвинения. Ее прошлый опыт был переписан, а показания изменены под давлением.

Диана задалась вопросом: кто написал сценарий для Элеоноры? Кто заставил ее сыграть эту роль?

Ответ был очевиден. Виктор Стерлинг.

Он дирижировал этим допросом с виртуозностью маэстро. Он задавал наводящие вопросы, направляя Элеонору в нужное русло. Он создавал образ Калеба как жертвы обстоятельств, как человека, доведенного до отчаяния годами психологического и физического насилия.

— Миссис Вэнс, — голос Виктора стал еще мягче, почти интимным. — Вы помните день убийства?

Элеонора вздрогнула, словно от удара.

— Да.

— Что произошло в тот вечер?

— Артур был в бешенстве, — начала она, ее голос дрожал. — Он узнал, что Калеб провалил вступительные экзамены в университет. Он кричал, угрожал лишить его наследства, выгнать из дома. Он сказал... он сказал, что Калеб — это его самая большая ошибка.

Элеонора закрыла лицо руками и тихо заплакала. В зале суда повисла тяжелая тишина. Присяжные смотрели на нее с сочувствием.

Виктор выдержал эффектную паузу.

— И что было потом?

— Я ушла в свою комнату, — всхлипнула Элеонора. — Я не могла больше этого слушать. А потом... потом я услышала крики из кабинета. Я побежала туда, но дверь была заперта. Когда полиция выломала дверь, Артур был уже мертв. А Кaleb...

Она не смогла договорить, ее плечи затряслись от рыданий.

Диана наблюдала за этой сценой и чувствовала, как в ней закипает гнев. Это был блестящий спектакль. Виктор Стерлинг использовал показания Элеоноры, чтобы сместить фокус обвинения с умысла на состояние аффекта. Он превращал жестокое убийство в акт самообороны, в отчаянную попытку жертвы вырваться из-под контроля тирана.

Но Диана знала, что это ложь. Она помнила пустой взгляд Калеба в день убийства. Она помнила его слова в изоляторе: «Вы не сможете их остановить». Это не были слова человека, доведенного до отчаяния. Это были слова человека, который понимал правила игры и был готов играть по ним.

Прокурор Мартинес начала перекрестный допрос, но ее попытки пробить броню Элеоноры оказались тщетными. Элеонора твердо стояла на своем, повторяя заученные фразы о тирании мужа и страхе, в котором жила семья.

— Миссис Вэнс, — спросила прокурор, — если ваш муж был таким чудовищем, почему вы не ушли от него? У вас были средства, у вас были связи. Почему вы терпели это столько лет?

Элеонора подняла голову и посмотрела Мартинес прямо в глаза.

— Вы не понимаете, — ее голос стал холодным и твердым. — От Артура Вэнса нельзя было просто уйти. Он бы уничтожил меня. Он бы забрал у меня Калеба. Он контролировал все.

Это был сильный аргумент. В мире, где законы писались такими людьми, как Артур Вэнс, где система защищала только тех, кто находился на вершине, попытка вырваться из-под контроля могла стоить жизни.

Диана смотрела на Элеонору и видела в ней отражение всего общества. Общества, которое позволило себя запугать, которое поверило в необходимость «жесткой руки», которое добровольно отдало свои свободы в обмен на иллюзию безопасности.

После окончания заседания Диана вернулась в офис. Она чувствовала себя измотанной. Театр теней правосудия работал безупречно, и она была лишь зрителем, неспособным повлиять на ход пьесы.

Она открыла сейф и достала меморандум, который ей передал Марк Дэвис. Она перечитала его еще раз, вдумываясь в каждую строчку.

«...поддержание стабильно высокого уровня тревожности в обществе является необходимым условием для успешного продвижения законодательных инициатив...»

Артур Вэнс и Виктор Стерлинг использовали страх как оружие. Они создавали угрозы, чтобы оправдать репрессии. И теперь Виктор использовал тот же самый механизм в зале суда. Он создавал образ тирана, чтобы оправдать убийство.

Диана понимала, что показания Элеоноры — это ключевой элемент стратегии Виктора. Если присяжные поверят ей, Калеб будет оправдан. Но если она лжет? Если вся эта история о домашнем насилии — лишь искусная манипуляция, придуманная Виктором Стерлингом, чтобы спасти своего клиента и скрыть истинные мотивы убийства?

Она вспомнила, как Элеонора и Виктор переглянулись в зале суда, когда прокурор Мартинес задала свой последний вопрос. В этом взгляде не было ни страха, ни отчаяния. В нем было лишь холодное, расчетливое понимание.

Они были соучастниками. Они играли в одну игру.

Но какова была роль Калеба во всем этом? Был ли он пешкой в их игре, или он вел свою собственную партию?

Диана вспомнила документы о методах подавления инакомыслия. В них описывалось, как жертвы манипуляций часто становятся соучастниками преступлений, убежденные в том, что они действуют во благо.

«...даже ключевые свидетельства нейтрализуются и возвращаются в “лоно”...»

Возможно, Калеб тоже был нейтрализован? Возможно, его молчание — это результат той самой психологической обработки, о которой говорила Элеонора? Или он молчал потому, что знал правду, которую никто не хотел слышать?

Диана понимала, что ей нужно поговорить с Каледом. Настоящим разговором, без присутствия Виктора Стерлинга. Она должна была заставить его открыться, заставить его рассказать свою версию событий.

Она должна была пробить стену, которую он воздвиг вокруг себя.

Она посмотрела на часы. Было уже поздно. Завтра ей предстояло снова войти в этот зал суда, снова стать участницей этого фарса.

Она убрала меморандум обратно в сейф и заперла его. Она знала, что рискует, вступая в конфронтацию с Виктором Стерлингом. Но она также знала, что не может позволить ему продолжать манипулировать правосудием.

Она должна была найти правду, даже если эта правда разрушит все, во что она верила.

Диана подошла к окну и посмотрела на ночной город. Огни небоскребов мерцали в темноте, словно звезды в холодном, равнодушном небе. Где-то там, в этих бетонных джунглях, скрывались ответы на ее вопросы.

Она вспомнила слова Марка Дэвиса: «То, что мы видим по телевизору — это не новости. Это сценарий».

А что, если и этот судебный процесс — всего лишь сценарий? Сценарий, написанный Виктором Стерлингом, в котором каждый играет свою роль. Элеонора — роль скорбящей вдовы. Калед — роль жертвы обстоятельств. А она, Диана Росс, — роль наивного адвоката, который верит в справедливость.

Она сжала кулаки. Она не позволит им использовать себя. Она найдет способ разрушить этот сценарий.

Но как это сделать, если все козыри находятся в руках Виктора Стерлинга? Если он контролирует каждый шаг, каждое слово, сказанное в зале суда?

Ответ пришел к ней внезапно, словно вспышка молнии.

Она вспомнила электронное письмо, которое нашла в архиве. Письмо, доказывающее финансовую связь между Виктором Стерлингом и экспертом Эвансом.

Это было ее оружие. Ее единственный шанс разрушить эту безупречную конструкцию лжи.

Но использовать его означало бросить вызов всей системе. Означало стать мишенью для тех самых сил, которые уничтожили Артура Вэнса.

Диана глубоко вздохнула. Она знала, что пути назад нет. Она должна была сделать выбор.

И она его сделала.

Завтра она начнет свою собственную игру. Игру, в которой ставки будут выше, чем когда-либо.

Она повернулась к столу и начала собирать документы. Ей предстояло много работы. Она должна была тщательно подготовиться к завтрашнему дню.

Она должна была найти способ использовать это письмо так, чтобы Виктор Стерлинг не смог от него отмахнуться. Так, чтобы оно стало бомбой, которая взорвет этот зал суда.

Диана знала, что это будет нелегко. Но она была готова к борьбе.

Она не позволит им превратить правосудие в театр теней. Она выведет их на чистую воду.

Чего бы ей это ни стоило.

Глава 8. Сговор теней

Дождь, начавшийся еще утром, к вечеру превратился в сплошную стену воды, барабнящую по панорамным окнам пентхауса Виктора Стерлинга. Пять лет назад, в день, который навсегда изменил правила игры, погода была точно такой же. Небо над Нью-Йорком казалось свинцовым, а улицы, обычно бурлящие жизнью, были парализованы страхом и полицейскими кордонами.

Виктор стоял у окна, держа в руке бокал с виски, и смотрел на город, раскинувшийся внизу. На огромном экране телевизора, занимавшем половину стены, без звука транслировались кадры хаоса: горящие автомобили, разбитые витрины, люди в

масках, швыряющие камни в стройные ряды полиции. Бегущая строка внизу экрана кричала красными буквами о введении чрезвычайного положения.

В кресле позади него сидела Элеонора Вэнс. На ней был простой серый кашемировый свитер, но даже в нем она выглядела так, словно только что сошла с обложки журнала. Однако ее лицо, обычно безупречно спокойное, сейчас искажилось от напряжения.

— Ты уверен, что они примут эти поправки? — спросила она, нервно крутя на пальце обручальное кольцо с бриллиантом размером с лесной орех.

Виктор не обернулся. Он сделал глоток виски, смакуя обжигающую жидкость.

— Они уже их приняли, Элеонора. Президент подпишет закон сегодня вечером. Артур позаботился об этом. Он влил столько денег в их избирательные кампании, что они проголосовали бы за отмену гравитации, если бы он попросил.

Он повернулся и посмотрел на нее. В ее глазах плескался тот самый страх, который сейчас транслировали по всем каналам. Но ее страх был иного рода. Это был страх не перед толпой, а перед человеком, который эту толпу контролировал.

— Что это значит для нас? — ее голос дрогнул.

Виктор подошел к небольшому бару из красного дерева и налил себе еще виски.

— Это значит, моя дорогая, что правила изменились. Навсегда.

Он сел в кресло напротив нее, поставив бокал на стеклянный столик.

— Помнишь, мы обсуждали возможность твоего развода с Артуром? Ты хотела забрать Калеба, получить свою долю и уехать в Европу.

Элеонора кивнула, не сводя с него глаз.

— Забудь об этом, — мягко, но безапелляционно произнес Виктор. — С сегодняшнего дня легальных способов уйти от Артура Вэнса не существует.

Он наклонился вперед, его голос стал тише, приобретая ту самую гипнотическую интонацию, которую он так успешно использовал в залах суда.

— Новые поправки, которые Артур пролоббировал под предлогом борьбы с беспорядками, де-факто отменяют презумпцию невиновности для тех, кого государство

сочтет угрозой. А кто решает, что есть угроза? Те, кто пишет законы. Те, кто финансирует политиков. Такие люди, как Артур.

Элеонора побледнела.

— Но ведь это касается террористов, радикалов... При чем здесь мы?

Виктор усмехнулся. В этой усмешке не было ни капли веселья.

— В том-то и гениальность этой системы, Элеонора. Понятие «деструктивной деятельности» теперь настолько размыто, что под него можно подвести что угодно. Если ты подашь на развод, Артур не станет судиться с тобой за имущество или опеку. Он просто инициирует проверку твоих связей. Он найдет или сфабрикует доказательства того, что ты финансируешь оппозицию или состоишь в секте. И все. Твои счета будут заморожены, а тебя поместят в изолятор с резко ограниченным доступом к адвокату по новым чрезвычайным правилам.

Он сделал паузу, позволяя ей осознать масштаб катастрофы.

— Он создал систему, в которой он — абсолютный монарх. А мы — его подданные. И если мы попытаемся сбежать, он уничтожит нас, используя всю мощь государственной машины.

Элеонора закрыла лицо руками. Ее плечи затряслись.

— Я не могу так больше жить, Виктор. Он становится все более безумным. Он контролирует каждый мой шаг. Он издевается над Каледом. Вчера он заставил мальчика стоять на коленях два часа только за то, что тот не так на него посмотрел.

Виктор смотрел на нее без всякого сочувствия. Он знал Артура Вэнса лучше, чем кто-либо другой. Он знал, что Артур — садист, наслаждающийся властью над людьми. Но Виктор также знал, что он сам ничем не лучше. Просто его садизм был более утонченным, более интеллектуальным. Он наслаждался властью над законом.

— Артур всегда был таким, — холодно произнес Виктор. — Просто раньше его власть ограничивалась стенами его кабинета и нашего дома. Теперь его власть — это вся страна. Он создал охотничий заказник системы, и мы оказались в нем в роли дичи.

Элеонора подняла голову. Ее глаза были полны слез, но в них появилось что-то еще. Что-то жесткое и решительное.

— Значит, мы должны стать охотниками.

Виктор медленно кивнул, его губы изогнулись в легкой улыбке.

— Именно. Если мы не можем победить его по правилам, мы должны изменить правила. Или устранить того, кто их пишет.

Он встал и подошел к окну. Дождь все так же хлестал по стеклу, а на экране телевизора полицейские в тяжелой броне разгоняли толпу дубинками.

— Мы не можем просто убить его, — сказала Элеонора, глядя ему в спину. — Он слишком влиятелен. Нас найдут.

— Нас найдут, если мы сделаем это сами, — не оборачиваясь, ответил Виктор. — Но что, если это сделает кто-то другой? Кто-то, кто станет идеальным козлом отпущения?

Он повернулся к ней, его глаза горели холодным огнем.

— Артур сам создал идеальные условия для своего уничтожения. Он построил систему, которая питается страхом и ненавистью. Он убедил общество в том, что вокруг полно врагов. Нам нужно лишь направить этот страх в нужное русло.

Он подошел к столу и взял с него тонкую папку.

— Я изучал новые поправки, Элеонора. В них есть лазейки. Артур был так увлечен созданием инструмента для подавления других, что не заметил, как этот инструмент можно использовать против него самого.

Он открыл папку и достал оттуда несколько листов бумаги, испещренных юридическими терминами.

— Если Артура убьют, и это убийство будет выглядеть как акт агрессии со стороны тех самых «деструктивных элементов», с которыми он боролся, система отреагирует именно так, как он ее запрограммировал. Она начнет искать врагов. Она не будет вникать в детали. Ей нужна будет быстрая и показательная расправа.

Элеонора слушала его затаив дыхание.

— И кто же станет этим козлом отпущения? — спросила она.

Виктор посмотрел ей прямо в глаза.

— Тот, кто находится ближе всего к нему. Тот, кто имеет мотив. Тот, чья психика уже разрушена его издевательствами.

Он замолчал, позволяя ей самой произнести это имя.

— Кaleb, — прошептала Элеонора. Ее лицо побледнело еще больше. — Ты хочешь подставить Калеба?

— Я хочу спасти нас, Элеонора, — жестко ответил Виктор. — Кaleb уже потерян. Артур сломал его. Ты сама это видишь. Если мы ничего не сделаем, Артур уничтожит и нас.

Он подошел к ней и взял ее за руки. Его прикосновение было холодным, но твердым.

— Мы не будем убивать Артура своими руками. Мы создадим ситуацию, в которой Кaleb сделает это сам. Мы будем медленно, капля за каплей, вливать в него яд. Мы будем усиливать его ненависть к отцу. Мы будем создавать иллюзию того, что убийство — это единственный выход.

Элеонора смотрела на него с ужасом, но не отстранялась.

— А когда это произойдет, — продолжил Виктор, его голос звучал как гипноз, — я стану его адвокатом. Я использую те самые законы, которые написал Артур, чтобы защитить его. Но я буду защищать его так, чтобы он в итоге оказался за решеткой. Или в психиатрической клинике. Навсегда.

Он отпустил ее руки и отошел на шаг.

— И тогда, Элеонора, мы будем свободны. Ты получишь все состояние Артура. А я получу контроль над его империей. Мы станем хозяевами этого заказчика.

Элеонора долго молчала. Она смотрела на телевизор, где диктор с тревожным лицом сообщал о новых арестах. Она понимала, что Виктор предлагает ей сделку с дьяволом. Но она также понимала, что это ее единственный шанс выжить.

— Как мы это сделаем? — наконец спросила она, и ее голос был твердым.

Виктор улыбнулся. Это была улыбка хищника, почуявшего кровь.

— Мы начнем с малого. Мы будем изолировать Калеба. Мы будем пресекать любые его попытки найти поддержку на стороне. Мы будем внушать ему, что он никому не нужен, кроме нас. И мы будем постоянно напоминать ему о том, кто виноват во всех его бедах.

Он подошел к бару и налил себе еще виски.

— А я, со своей стороны, начну готовить почву. Я буду создавать нужный информационный фон. Я буду финансировать тех самых «карманных» экспертов, которых использовал Артур, но теперь они будут работать на нас. Они будут рассказывать о том, как негативное влияние среды возвращает убийц. О том, как богатство и вседозволенность порождают монстров.

Он поднял бокал, словно произнося тост.

— Мы напишем сценарий, Элеонора. И когда занавес поднимется, все сыграют свои роли.

Они проговорили до глубокой ночи. Виктор с пугающей методичностью расписывал каждый шаг их плана. Он знал, как работают механизмы человеческой психики. Он знал, как манипулировать страхами и желаниями. Он был архитектором этого театра теней правосудия, и теперь он собирался поставить в нем свой главный спектакль.

Он объяснил Элеоноре, как они будут использовать новые законы для сокрытия своих следов.

— Помнишь статью 14, пункт 3? О закрытии судебных заседаний в целях защиты государственной морали? — спросил он, листая свои записи. — Мы используем ее. Когда дело дойдет до суда, мы сделаем так, чтобы никто не смог заглянуть внутрь. Мы отрежем прессу, мы отфильтруем присяжных. Мы создадим герметичную капсулу, в которой правда не будет иметь никакого значения.

Элеонора слушала его, и с каждой минутой ее страх сменялся холодным расчетом. Она понимала, что они играют с огнем, но этот огонь был единственным способом сжечь их прошлое.

— А что, если Кaleb не сломается? — спросила она. — Что, если он не убьет его?

Виктор посмотрел на нее с ледяным спокойствием.

— Сломается. Я об этом позабочусь. Я буду его доверенным лицом. Я буду тем, к кому он придет за советом. И я буду давать ему те советы, которые приведут его прямо к краю пропасти.

Он подошел к окну. Дождь начал стихать, но город все еще был погружен во мрак.

— Артур думал, что он контролирует все, — тихо произнес Виктор, глядя на отражение своего лица в стекле. — Но он забыл одно простое правило: тот, кто пишет законы, всегда оставляет в них лазейку для себя. Он просто не знал, что эту лазейку найду я.

Он повернулся к Элеоноре.

— Мы начинаем завтра, Элеонора. Завтра мы запускаем механизм, который уничтожит Артура Вэнса.

Элеонора кивнула. В ее глазах больше не было слез. Там была только пустота.

Она встала и подошла к Виктору.

— Я доверяю тебе, Виктор. Сделай то, что должен.

Она повернулась и пошла к двери. Виктор смотрел ей вслед, его лицо ничего не выражало. Он знал, что она — лишь инструмент в его руках. Такая же пешка, как и Кaleb. Как и Артур.

Когда за Элеонорой закрылась дверь, Виктор снова повернулся к окну. На экране телевизора продолжали мелькать кадры беспорядков. Город горел, и этот пожар был идеальной декорацией для его плана.

Он поднял бокал с виски и сделал глоток.

— За новую эру, — прошептал он, глядя на огни полицейских машин, прорезающие темноту.

В этот момент, пять лет назад, Виктор Стерлинг еще не знал, что система, которую он собирался использовать для своих целей, окажется гораздо сложнее и опаснее, чем он предполагал. Он не знал, что Кaleb, которого он считал лишь послушной марионеткой, окажется непредсказуемым фактором в его уравнении.

Но сейчас, стоя в своем пентхаусе, Виктор был уверен в своей победе. Он был кукловодом, который дергал за ниточки. Он был создателем обмана.

И он был готов довести свою игру до конца.

Глава 9. Третья сила

Коробки с документами в архиве фирмы Стерлинга пахли пылью и старой бумагой, но для Дианы Росс этот запах стал синонимом опасности. Она сидела на полу, скрестив ноги, и методично просматривала финансовые отчеты и черновики законопроектов, которые Виктор Стерлинг хранил вдали от посторонних глаз. То, что она нашла здесь несколько дней назад, было лишь верхушкой айсберга. Теперь она искала основание.

Свет настольной лампы выхватывал из полумрака строчки цифр и юридических формулировок. Диана сопоставляла даты транзакций со счетов благотворительных фондов Артура Вэнса с датами внесения поправок в законодательство. Картина, которая вырисовывалась перед ней, была пугающей в своей математической точности.

Она нашла черновик того самого «Пакта о защите традиционного порядка», о котором трубили все телеканалы в ночь убийства Артура. Документ был испещрен правками, сделанными знакомым, размашистым почерком Виктора. Это были не просто стилистические замечания. Виктор лично вписывал те самые формулировки, которые делали закон таким безжалостным.

«...необходимость ограничения доступа адвокатов к задержанным в первые сорок восемь часов обосновывается риском утечки информации, способствующей дальнейшей дестабилизации...» — гласила одна из заметок на полях.

Диана провела пальцем по этим строкам. Виктор не просто использовал законы, созданные Артуром. Он был их главным юридическим архитектором. Артур обеспечивал финансирование и политическое давление, но именно Виктор конструировал механизмы, которые превращали правосудие в инструмент абсолютного контроля.

Она перелистнула страницу и наткнулась на аналитическую записку, датированную тремя годами ранее. Документ был озаглавлен: «Оценка уязвимостей в законодательстве о противодействии деструктивным элементам».

В тексте подробно разбирались нормы уголовного законодательства, касающиеся ответственности экспертов и свидетелей. Виктор указывал на необходимость сохранения «лазеек», которые позволяли бы нужным людям избегать наказания за дачу ложных показаний.

«Встроенная уязвимость статьи о заведомо ложных показаниях, — писал Виктор, — является необходимым условием для обеспечения лояльности привлекаемых специалистов. Возможность освобождения от ответственности при своевременном отказе от показаний создает безопасный коридор для формирования нужного следствию вектора».

Диана отложила бумагу, чувствуя тошноту. Виктор сознательно конструировал систему, в которой ложь была легализована, а правда стала наказуема. Он создавал правовую базу, которая де-факто узаконивала преступную деятельность тех, кто работал на систему. Постоянное внесение поправок, часто противоречащих друг другу, было не ошибкой законодателей, а продуманной стратегией хаотизации правового поля, в котором ориентироваться могли только его создатели.

Она взяла следующую папку. В ней лежала переписка Виктора с руководителями нескольких антикультовых организаций — тех самых, которые получали гранты от фондов Вэнса. Письма были зашифрованы, но Диана нашла ключ к шифру в одном из блокнотов Артура.

Содержание писем подтверждало то, о чем говорил Марк Дэвис в ночном дайнере. Организации не только получали инструкции по созданию агрессивных медийных кампаний, но и имели доступ к конфиденциальной информации о ходе расследований против неугодных лиц.

«Из всё ещё продолжающихся расследований, — писал некто под псевдонимом М..., — я узнал, что за сайтом оппозиции стояли конкретные люди. Следователи также установили номера телефонов...»

Виктор использовал эти организации как свою личную разведку и карательный отряд. Они выявляли потенциальные угрозы, организовывали травлю в СМИ, а затем передавали информацию правоохранительным органам, которые, действуя по новым законам, завершали работу.

Это была третья сила. Сила, которая действовала скрытно, маскируясь под заботу о безопасности общества, но на самом деле преследовала лишь одну цель — узурпацию власти.

Диана вспомнила документы, описывающие методы работы этих организаций. Они не просто уничтожали репутацию своих жертв. Они разрушали их личность.

«...основа метода — и его эффективность в создании устойчивого чувства зависимости и подчиненности — заключается в безусловной зависимости... любая критика — это “незавершённый процесс” в отношении жертвы...»

Она перечитала письмо, в котором описывалось, как психологи, работающие на эти организации, внушали жертвам, что давать правдивые показания — это проявление жажды мести, которое разрушит их самих. Они заставляли людей отказываться от борьбы, внушая им чувство вины и страх перед «неприятностями».

Диана поняла, что Виктор Стерлинг применял те же самые методы в своей адвокатской практике. Он не защищал своих клиентов. Он подчинял их своей воле, превращая их в инструменты для достижения собственных целей.

Она посмотрела на часы. Было уже за полночь. Глаза слезились от усталости, но она не могла остановиться. Она должна была понять, какое место во всем этом занимал Калев.

Диана нашла папку с клиническими отчетами и психологическими заключениями подростка. В них описывались регулярные визиты к психотерапевтам, оплаченные из личных средств Виктора. Отчеты специалистов были сухими и профессиональными, но между строк читалась пугающая картина.

«Пациент демонстрирует признаки глубокой социальной изоляции и эмоционального онемения... Наблюдается склонность к рационализации жестокости...»

В одном из отчетов описывался инцидент, произошедший, когда Калебу было четырнадцать лет. Он был найден в заброшенном здании на окраине города в компании нескольких беспризорных подростков. Специалист отмечал, что Калев сформировал у них зависимость от себя, заставляя их подчиняться его приказам.

«...подобный тип поведения — формирование зависимости у социально изолированных детей и их готовности подчиняться во всём — рассматривается как потенциальный индикатор риска... В совокупности приведённые эпизоды напоминают поведенческие “репетиции” — тревожный паттерн, который в криминальной психологии может рассматриваться как один из признаков формирования устойчивого насильственного сценария...»

Диана почувствовала, как по спине пробежал холодок. В ходе таких «репетиций» могут закрепляться ключевые навыки: маскировка, манипуляция, выбор жертвы и

управление последствиями. Кaleb не был просто жертвой тирании отца. Он был продуктом системы, которую этот отец создал. Системы, которая поощряла жестокость и манипуляции.

И Виктор знал об этом. Он оплачивал этих специалистов, читал эти отчеты. Он видел, как в Калебе растет опасность, и ничего не сделал, чтобы это остановить. Наоборот, он использовал это.

Диана вспомнила показания Элеоноры в суде. Вся эта история о домашнем насилии, о доведенном до отчаяния подростке — это была лишь ширма. Виктор и Элеонора не просто спланировали убийство Артура. Они использовали Калеба как оружие. Оружие, которое было заряжено и готово к выстрелу.

Она закрыла папку и оперлась на спину, глядя в потолок. Масштаб манипуляций Виктора превосходил все ее самые худшие опасения. Он не просто играл в правосудие. Он управлял реальностью, переписывая законы и ломая человеческие судьбы с хладнокровием хирурга, проводящего вивисекцию.

Театр теней правосудия, который он выстроил, был идеальным механизмом. В нем не было места для правды или справедливости. Были только роли, написанные Виктором, и актеры, вынужденные их играть.

Диана понимала, что она одна не сможет противостоять этой машине. Документы, которые она нашла, были сильным доказательством, но в мире, где суды закрываются от публики по первому требованию, а эксперты готовы подтвердить любую ложь за щедрое вознаграждение, эти бумаги могли не иметь никакого веса.

Ей нужен был кто-то, кто понимал, как работает этот механизм изнутри. Кто-то, кто мог бы расшифровать психологический профиль Виктора и помочь ей найти его уязвимые места. Она вспомнила имя, которое несколько раз мелькало в материалах дела, связанных с ранними этапами формирования антикультовых организаций. Натаниэль Стоун. Бывший профайлер ФБР, который ушел со службы после того, как его отчет о методах психологического давления, применяемых этими организациями, был засекречен, а сам он подвергся травле в прессе.

Стоун был специалистом по поведенческому анализу. Он понимал, как люди, подобные Виктору, манипулируют сознанием масс и отдельных личностей. Он знал, как они создают свои охотничьи заказники. Диана достала телефон и набрала в поисковике

его имя. Информация была скудной. Стоун вел уединенный образ жизни, преподавал криминологию в небольшом колледже на севере штата и редко давал интервью.

Она нашла номер телефона кафедры и записала его в блокнот. Завтра утром она позвонит ему. Ей нужно было встретиться с ним. Ей нужно было понять, с чем именно она имеет дело. Диана начала собирать документы, аккуратно раскладывая их по папкам. Она чувствовала себя так, словно стояла на краю пропасти, глядя в бездну, которая была готова поглотить ее.

Она понимала, что Виктор Стерлинг — это не просто коррумпированный адвокат. Он был воплощением третьей силы, скрытого дестабилизирующего влияния, которое вело общество к разрушению. Он был тем, кто с удовольствием потягивал кофе, наблюдая, как его безумные планы выполняются чужими руками. Он создал систему, которая питалась страхом и ненавистью, и теперь эта система была готова уничтожить всех, кто встанет на ее пути.

Диана заперла коробки с документами в сейф и вышла из архива. Коридоры фирмы были пусты и погружены во мрак. Тишина, которая обычно успокаивала ее, теперь казалась зловещей. Это была тишина перед бурей.

Она спустилась на лифте в подземный гараж. Шаги гулко отдавались от бетонных стен. Диана села в машину, но не спешила заводить двигатель. Она смотрела на свои руки, лежащие на руле. Они слегка дрожали. Она вспомнила слова Калеба в изоляторе: «Вы не сможете их остановить. Систему. Они уже здесь. Они везде».

Возможно, он был прав. Возможно, система, созданная Виктором и Артуром, уже пустила корни так глубоко, что выкорчевать ее было невозможно.

Но Диана знала, что не может просто сдаться. Она не могла позволить Виктору Стерлингу продолжать свою игру. Она должна была попытаться разрушить этот театр теней, даже если это будет стоить ей всего.

Она повернула ключ зажигания. Двигатель тихо заурчал, нарушая тишину гаража. Диана выехала на ночные улицы города. Дождь прекратился, но асфальт все еще блестел от влаги, отражая свет неоновых вывесок.

Город спал, не подозревая о том, какие силы управляют его судьбой. Люди в своих квартирах чувствовали себя в безопасности, веря, что новые законы защитят их от хаоса.

Они не знали, что настоящий хаос был создан теми самыми людьми, которые обещали им защиту.

Диана смотрела на темные силуэты небоскребов и думала о том, что ждет ее завтра. Встреча с Натаниэлем Стоуном могла дать ей ответы, которые она искала. Но она также могла открыть ей правду, к которой она была не готова. Правду о том, что в этой игре нет победителей. Есть только те, кто пишет правила, и те, кто по ним умирает.

Глава 10. Создатель обмана

В кабинет Натаниэля Стоуна стены были от пола до потолка заставлены книгами по криминологии, психологии и поведенческому анализу. Бывший специалист ФБР по поведенческому анализу сидел за массивным дубовым столом, внимательно изучая документы, которые Диана разложила перед ним.

Стоун выглядел старше своих лет. Глубокие морщины прорезали его лоб, а в серых глазах читалась усталость человека, который слишком долго смотрел в бездну. Он перевернул очередную страницу аналитической записки Виктора Стерлинга и тяжело вздохнул.

— Вы понимаете, что держите в руках, мисс Росс? — спросил он, снимая очки и потирая переносицу. — Это не просто черновики законов. Это чертежи.

Диана сидела напротив, чувствуя, как напряжение последних дней тяжелым грузом давит на плечи.

— Чертежи чего?

— Того, что я называю «охотничьим заказником системы». Вы знаете, как работает традиционное правосудие? Оно реактивно. Происходит преступление — система реагирует. Но то, что конструировал ваш босс вместе с Артуром Вэнсом, — это проактивная модель. Они создали замкнутую экосистему, в которой сами определяют, кто хищник, а кто дичь.

Диана кивнула, вспоминая слова Виктора о том, что они формируют реальность.

— Я видела, как они используют средства массовой информации, — сказала она.
— Как они раздувают панику, чтобы оправдать принятие новых законов.

Стоун слабо улыбнулся, но в этой улыбке не было радости.

— Медиа — это лишь инструмент. Главное — это психология. Посмотрите на профиль Стерлинга, который вырисовывается из этих документов. У человека агрессивного типа есть сильная потребность в обмане, использовании в личных целях и эксплуатации других. Любые связи с кем-то рассматриваются такими людьми с точки зрения: «Что я могу от этого иметь?». Причем человек с такой структурой личности убежден, что так поступает каждый, и поэтому он видит смысл в том, чтобы делать это более эффективно, чем остальные.

Он взял в руки переписку Виктора с антикультовыми организациями.

— Для удовлетворения потребности в садистическом контроле ему недостаточно прямого или полного подчинения выбранной им жертвы. Для такого типа личности важен сам процесс разрушения — самостоятельности, любой независимости, суверенности личности. Виктор легализовал этот контроль. Он превратил правосудие в инструмент личной власти.

Диана вспомнила, как Виктор дирижировал допросом Элеоноры в суде. Как он упивался своей властью над залом, над присяжными, над самой истиной.

— Но зачем ему это? — спросила она. — У него есть деньги, статус, влияние. Зачем ему нужно было убивать Артура?

Стоун пристально посмотрел на нее.

— Потому что Артур Вэнс был таким же хищником. А в заказнике не может быть двух альфа-самцов. Артур создал эту систему, но Виктор понял, как ею управлять. Он понял, что настоящий эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают. Виктор стал тем, у кого спрашивают. Он стал архитектором, который знает все уязвимости здания, потому что сам их заложил.

Стоун встал и подошел к окну, за которым шумел дождь.

— Знаете, что самое страшное в людях с подобным поведенческим профилем? — спросил он, не оборачиваясь. — Они редко останавливаются сами. Без внешнего вмешательства такие люди обычно продолжают расширять зону контроля. Напротив, с каждым актом насилия — будь то физическое убийство или уничтожение чьей-то жизни

через суд — усиливается их чувство контроля, уверенности и безнаказанности, что со временем может приводить к эскалации. Его конечная цель — достижение личного, тотального доминирования.

Диана почувствовала холодок. Она вспомнила документы из архива, описывающие методы психологического давления, применяемые структурами Стерлинга. Лишь душевная боль, страдания человека, продолжающего отстаивать свое стремление к свободе, но уже побежденного и подавленного агрессором, — вот что рождает в скрытом насильнике контроля необыкновенный прилив энергии и чувство своей абсолютной власти.

— А что насчет Калеба? — Диана достала клинические файлы и психологические заключения подростка. — Вы читали отчеты психотерапевтов.

Стоун вернулся к столу и взял папки.

— Да. И это, пожалуй, самая мрачная часть этой истории. Кaleb — это продукт системы. Идеальный продукт.

Он открыл отчет о том инциденте, когда четырнадцатилетний Кaleb подчинил себе группу беспризорников.

— Обратите внимание на формулировки. «Пациент демонстрирует признаки глубокой социальной изоляции и эмоционального онемения... Наблюдается склонность к рационализации жестокости». В рамках поведенческого анализа лица с выраженными антисоциальными и психопатическими чертами могут характеризоваться сниженной тревожностью, повышенной склонностью к риску и дефицитом эмпатии. В отдельных случаях насильственное поведение может становиться реализацией долго вынашиваемых фантазий о контроле, власти и возмездии.

Стоун постучал пальцем по строчке в отчете.

— Специалисты отмечали, что подобные эпизоды напоминают поведенческие «репетиции» — тревожный паттерн, который в криминальной психологии может рассматриваться как один из признаков формирования устойчивого насильственного сценария. Виктор знал об этом. Он оплачивал этих специалистов. Он видел, как мальчик становится опасным, и ничего не сделал, чтобы это остановить.

— И он использовал это, — прошептала Диана, осознавая всю глубину чудовищного плана Виктора. — Он и Элеонора создали ситуацию, в которой Калев убил Артура. Они использовали его как оружие.

— Именно, — кивнул Стоун. — Но здесь есть один нюанс, который Виктор, возможно, не учел. У части преступников с садистической мотивацией центральным элементом становится не столько сам факт смерти, сколько контроль над жертвой и ощущение абсолютной власти. Если убийство становится кульминацией такой фантазии, после него может наступить не удовлетворение, а опустошение и потребность повторить или усилить пережитый опыт. Это и создает риск эскалации.

Стоун посмотрел Диане прямо в глаза.

— Калев убил отца. Он перешел границу, к которой его долго подвели. Но система, которая его породила, не может его остановить. Она запрограммирована на поиск внешних врагов — радикалов, сектантов, диссидентов. Она слепа к угрозе, которая выросла внутри нее самой.

Диана вспомнила пустой взгляд Калеба в день убийства. Взгляд человека, который не чувствовал ни раскаяния, ни страха. Человека, который только что перешел черту и теперь искал новую цель.

— Значит, оправдательный приговор... — начала она.

— Оправдательный приговор станет для него сигналом, — закончил Стоун. — Сигналом о том, что он неуязвим. Что он может делать все, что захочет, и система его защитит. Виктор думает, что он контролирует Калеба. Но он ошибается. Он создал угрозу, которая уже выходит из-под его контроля.

Стоун снова взял в руки аналитическую записку Виктора.

— Посмотрите, как он рассуждает об уязвимостях в законодательстве. Это не просто юридический анализ. Это манифест. Идеальный вариант манипуляции — это создание таких условий, при которых люди вокруг тебя не замечают манипуляцию и даже не воспринимают разрушительные действия, направленные против них. Это высший уровень мастерства в когнитивной войне. Если сомневаетесь — наблюдайте за процессами со стороны системы. Находясь внутри системы, невозможно увидеть то, что видно извне.

Диана поняла, что Стоун прав. Общество, ослепленное страхом перед «раковой опухолью общества», не замечало, как само превращается в жертву. Люди добровольно отдавали свои свободы, веря, что это спасет их от хаоса, не понимая, что хаос был создан теми самыми людьми, которые предлагали спасение.

— Как нам это остановить? — спросила она, чувствуя отчаяние. — У нас есть доказательства того, что Виктор подкупил эксперта. У нас есть эти документы. Но если система коррумпирована на всех уровнях, кому мы можем доверять?

Стоун долго молчал, глядя на разложенные бумаги.

— В традиционном смысле — никому. Вы не можете пойти в полицию или к прокурору, потому что они действуют по законам, написанным Виктором. Вы не можете пойти в прессу, потому что пресса контролируется теми же силами.

Он взял электронное письмо, подтверждающее подкуп эксперта Ричарда Эванса.

— Это ваш единственный козырь. Но вы должны использовать его не для того, чтобы разрушить систему — это невозможно сделать одним ударом. Вы должны использовать его, чтобы разрушить иллюзию Виктора о его собственной неуязвимости.

Стоун подался вперед, его голос стал жестким.

— Вы должны заставить его совершить ошибку. Люди с таким профилем, как у Стерлинга, не выносят потери контроля. Когда они понимают, что их план рушится, они начинают действовать импульсивно. Они пытаются силой вернуть себе власть, и именно в этот момент они становятся уязвимыми.

Диана смотрела на письмо. Это был опасный путь. Бросить вызов Виктору Стерлингу означало стать мишенью для всей его машины подавления.

— Он убьет меня, — тихо сказала она.

— Возможно, — спокойно ответил Стоун. — Но если вы ничего не сделаете, он может погубить многих других. И Кaleb... Кaleb только начинает.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Дождь за окном усилился, барабанил по стеклу с монотонной настойчивостью. Диана думала о Калебе. О четырнадцатилетнем мальчишке, который подчинял себе других детей в заброшенном здании. О семнадцатилетнем юноше, который сидел в кресле, покрытый кровью отца, и смотрел телевизор.

Он был хищником, выращенным в идеальных условиях. И теперь эти условия должны были выпустить его на свободу.

— Что вы знаете о методах, которые Виктор использовал для подавления своих жертв? — спросила Диана, вспоминая документы об антикультовых организациях.

Стоун вздохнул.

— Это классическая схема деструктивного контроля. Основа метода — и его эффективность в создании устойчивого чувства зависимости и подчиненности — заключается в безусловной зависимости. Любая критика — это «незавершенный процесс» в отношении жертвы. Они заставляют человека сомневаться в собственной адекватности, в своих воспоминаниях, в своих чувствах. Они изолируют его от внешнего мира, пока он не начинает видеть реальность только через их призму.

Он указал на папку с клиническими файлами Калеба.

— Именно это они сделали с мальчиком. Они изолировали его, внушили ему, что мир враждебен, что единственный способ выжить — это стать хищником. Они создали у него иллюзию контроля, позволив ему играть с другими детьми, но на самом деле контролировали каждый его шаг.

Диана вспомнила показания Элеоноры. Как она описывала тиранию Артура, как она плакала на свидетельской трибуне. Это был спектакль, разыгранный по нотам, написанным Виктором.

— А Элеонора? — спросила она. — Она тоже жертва?

Стоун покачал головой.

— В таких системах грань между жертвой и соучастником часто стирается. Человек, долго находящийся в унижении и зависимости, может не только страдать, но и начать искать способ вернуть себе власть через чужие руки. Его может тянуть к более сильному и открытому агрессору одновременно с восхищением и отвращением. Так он остается жертвой эксплуатации, но при этом получает возможность реализовать собственную подавленную агрессию через того, кто действует решительнее и жестче.

Он посмотрел на Диану.

— Элеонора нашла в Викторе инструмент для реализации своих собственных подавленных импульсов мести и контроля по отношению к Артуру. Она стала соучастницей, потому что это давало ей иллюзию власти.

Диана чувствовала, как у нее кружится голова от осознания масштаба этой паутины лжи и манипуляций. Виктор Стерлинг не просто играл в правосудие. Он играл в бога, создавая свой собственный мир, в котором он решал, кто будет жить, а кто умрет.

— Значит, театр теней правосудия — это не просто метафора, — сказала она. — Это реальность, которую они создали.

— Да, — ответил Стоун. — И в этом театре нет зрителей. Все мы — актеры, даже если не осознаем этого. И пока мы играем по их правилам, мы обречены.

Диана поднялась. Она собрала документы и аккуратно сложила их в сумку.

— Спасибо, мистер Стоун. Вы дали мне много пищи для размышлений.

Стоун тоже встал.

— Будьте осторожны, Диана. Вы вступаете в игру с человеком, для которого чужие страдания — это симфония его власти. Он не остановится ни перед чем, чтобы сохранить свой контроль.

Она кивнула.

— Я знаю. Но я не могу позволить ему выиграть.

Диана вышла из кабинета Стоуна и оказалась на улице. Дождь прекратился, но воздух был влажным и холодным. Она шла к своей машине, думая о том, что ей предстоит сделать. Она должна была использовать письмо о подкупе эксперта. Она должна была заставить Виктора совершить ошибку. Она должна была разрушить его иллюзию неуязвимости.

Но она также понимала, что это лишь первый шаг. Настоящая битва была еще впереди. Битва не только с Виктором Стерлингом, но и с системой, которую он создал. С системой, которая взрастила Калеба Вэнса и теперь была готова выпустить его на свободу.

Диана села в машину и посмотрела на папку с документами, лежащую на соседнем сиденье. В ней скрывалась правда, способная разрушить этот мир иллюзий. Но готова ли она была заплатить цену за эту правду?

Она вспомнила слова Стоуна: «В традиционном смысле — никому». В этом охотничьем заказнике она была одна против всех. Диана завела двигатель. Ей нужно было подготовиться к завтрашнему дню. Завтра она должна была нанести удар.

Пока она ехала по ночному городу, ее мысли возвращались к Калебу. К его пустому взгляду, к его холодным рукам, покрытым кровью. Он был бомбой замедленного действия, и таймер уже был запущен.

Она вспомнила строчку из отчета специалиста, которую Стоун процитировал: «Насильственные действия у таких пациентов могут становиться способом реализации долго вынашиваемых фантазий о контроле. После первого реального эпизода эти фантазии интегрируются в систему восприятия как инструмент психологической компенсации и власти».

Калев убил отца, чтобы получить контроль. Но что он будет делать, когда поймет, что этот контроль — лишь иллюзия? Что он по-прежнему остается пешкой в игре Виктора? Диана знала ответ. Он найдет новую цель. Он найдет новый способ доказать свою власть. И на этот раз жертвой может стать кто угодно. Она должна была остановить его. Она должна была остановить их всех.

Диана припарковала машину возле своего дома. Она устала, но сон не шел к ней. В ее голове крутились слова Стоуна, документы Виктора, показания Элеоноры. Она открыла сумку и достала электронное письмо.

«Ричард, — писалось в нем, — перевод на ваш офшорный счет выполнен. Ожидаю, что ваши выводы на суде будут полностью соответствовать нашей предварительной договоренности. Помните: нам нужно не просто сомнение, нам нужна уверенность присяжных в том, что мальчик действовал в состоянии сильного эмоционального потрясения, спровоцированного многолетним насилием».

Это был приговор Виктору Стерлингу. Документ, доказывающий, что весь этот судебный процесс — лишь искусная манипуляция. Но Диана понимала, что одного этого письма недостаточно. Ей нужно было нечто большее. Ей нужно было доказать, что Виктор не просто подкупил эксперта, но и спланировал убийство Артура Вэнса. И она знала, где искать эти доказательства.

Она должна была вернуться в архив. Она должна была найти черновики того самого меморандума, в котором Виктор описывал план по устранению Артура. Диана посмотрела на часы. Было уже поздно, но она не могла ждать. Каждая минута

промедления могла стоить кому-то жизни. Она снова завела машину и поехала к офису фирмы.

Город спал, но для Дианы ночь только начиналась. Она вступала в игру теней, где ставки были выше, чем когда-либо. Она вспомнила слова Виктора: «Мы не просто зарабатываем деньги. Мы формируем реальность». Пришло время изменить эту реальность. Пришло время разрушить этот охотничий заказник.

Диана подъехала к зданию офиса. Окна были темными. Она достала свой пропуск и вошла внутрь. Коридоры были пусты и тихи. Она спустилась в архив и включила свет. Коробки с документами стояли на своих местах, словно безмолвные свидетели преступлений Виктора Стерлинга. Диана подошла к стеллажу и начала методично просматривать папки. Она искала бумаги, датированные пятью годами ранее. Временем, когда были приняты первые ограничительные законы. Временем, когда Виктор и Элеонора заключили свой дьявольский союз.

Час за часом она перебирала документы, вчитываясь в каждую строчку. Ее глаза слипались от усталости, но она не сдавалась. И наконец, она нашла то, что искала. Это была небольшая черная папка, спрятанная на самом дне одной из коробок. В ней лежал рукописный черновик с пометкой «Проект “Освобождение”».

Это был подробный план устранения Артура Вэнса. План, в котором Калебу отводилась роль управляемого исполнителя и будущего оправданного обвиняемого. План, в котором каждый шаг был расписан с пугающей точностью. Виктор описывал, как следует манипулировать психикой Калеба, как усиливать его ненависть к отцу, как создавать ситуации, провоцирующие конфликт.

«...необходимо сформировать у объекта устойчивое убеждение в том, что физическое устранение источника угрозы является единственным способом самосохранения...» — гласила одна из строчек.

Это было не просто доказательство вины Виктора. Это было доказательство его абсолютной бесчеловечности. Он не просто легализовал свой садизм. Он превратил его в искусство.

Она перевернула страницу и увидела на полях знакомые инициалы — V. S. — и несколько коротких правок тем же резким почерком, который знала по десяткам его служебных записок.

Глава 11. Вердикт системы

Судья Харрисон монотонно зачитывал последние инструкции присяжным, прежде чем принять их вердикт. Его голос, усиленный микрофонами, разносился по полупустому помещению, отражаясь от дубовых панелей и пуленепробиваемого стекла, отделявшего скамью подсудимых.

Кaleb Вэнс сидел неподвижно. На нем был идеально сшитый темно-синий костюм, выбранный Виктором Стерлингом специально для этого дня. Галстук был завязан безупречно, волосы аккуратно уложены. Он выглядел не как подросток, обвиняемый в жестоком убийстве отца, а как молодой наследник империи, присутствующий на скучном заседании совета директоров. Его взгляд был прикован к столу перед ним, но Диана, сидевшая рядом с Виктором, видела, что глаза Калеба абсолютно пусты. В них не было ни страха, ни надежды, ни раскаяния. Только холодная, расчетливая пустота.

— ...учитывая показания свидетелей, а также заключения экспертов, указывающие на многолетнее психологическое и физическое насилие со стороны убитого, присяжные должны оценить, доказало ли обвинение вне разумного сомнения умысел на убийство первой степени или же действия подсудимого могли быть продиктованы сильным эмоциональным потрясением и субъективным восприятием непосредственной угрозы, — голос судьи Харрисона не дрогнул ни разу. — Господин старшина, огласите вердикт.

Диана закрыла глаза. Она знала, что сейчас произойдет. Она знала это с того момента, как нашла письмо Виктора об оплате услуг Ричарда Эванса. Она знала это, когда читала черновики «Проекта “Освобождение”». Но слышать это в реальности было невыносимо.

Старшина присяжных поднялся. Бумага в его руках едва заметно дрожала.

— По обвинению в убийстве первой степени — не виновен. По обвинению в убийстве второй степени — не виновен. По всем предъявленным пунктам — не виновен.

Судья Харрисон коротко кивнул, словно услышал не человеческую судьбу, а техническую формулу.

— Вердикт присяжных принимается. Подсудимый подлежит немедленному освобождению из-под стражи.

В зале повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь щелканьем клавиатуры стенографистки. Элеонора Вэнс, сидевшая в первом ряду, тихо выдохнула и закрыла лицо руками. Ее плечи мелко затряслись — идеальная картина убитой горем, но наконец-то получившей справедливость матери. Виктор Стерлинг позволил себе легкую, едва заметную улыбку. Он медленно повернулся к Калебу и положил руку ему на плечо.

— Все закончилось, Калеб, — тихо сказал он. — Ты свободен.

Подросток медленно поднял голову и посмотрел на адвоката. В его взгляде не было благодарности. Он смотрел на Виктора так, словно изучал сложный механизм, который только что выполнил свою функцию. Затем Калеб перевел взгляд на Диану. От этого взгляда по ее спине пробежал холодок. В нем читалось понимание. Калеб знал, что она знает. И ему было все равно.

Судья Харрисон ударил молотком, официально закрывая заседание, и зал мгновенно пришел в движение. Судебные приставы, стоявшие у дверей, расступились. Виктор поднялся, поправил пиджак и жестом пригласил Элеонору подойти к сыну.

Диана осталась сидеть. Она смотрела, как Элеонора обнимает Калеба, как Виктор по-отечески похлопывает его по спине. Это была идеальная телевизионная картинка, срежиссированная до мельчайших деталей. Театр теней правосудия завершил свой главный спектакль, и зрители — те немногие, кого допустили на частично закрытое заседание — смотрели на происходящее так, будто стали свидетелями восстановления справедливости.

Она вспомнила слова Натаниэля Стоуна. Оправдательный приговор станет для Калеба сигналом. Сигналом о том, что он неуязвим. Что система, созданная его отцом и усовершенствованная Виктором, защитит его, что бы он ни сделал.

— Идем, Диана, — голос Виктора вырвал ее из оцепенения. Он стоял рядом, его глаза блестели от триумфа. — Нас ждут журналисты.

Она молча поднялась и последовала за ним. Коридоры суда были пустынно — результат режима безопасности, введенного судом по ходатайству защиты под предлогом

защиты несовершеннолетнего, свидетелей и материалов закрытых слушаний. Но на ступенях перед входом их ждала толпа репортеров, операторов и фотографов.

Когда массивные двери распахнулись, на них обрушился шквал вспышек и криков. Виктор вышел вперед, заслоняя собой Элеонору и Калеба. Он поднял руку, призывая к тишине, и толпа мгновенно смолкла. Он умел управлять вниманием так же виртуозно, как управлял законами.

— Дамы и господа, — начал Виктор, его голос звучал уверенно и торжественно. — Сегодня мы стали свидетелями не просто судебного решения. Мы стали свидетелями того, как закон защитил самого уязвимого. Кaleb Вэнс — не преступник. Он — жертва многолетней тирании, которая разрушала его жизнь за закрытыми дверями.

Диана стояла позади него, чувствуя тошноту. Она смотрела на лица журналистов, ловящих каждое слово Стерлинга. Они верили ему. Или делали вид, что верят, потому что этот нарратив был удобен. Он вписывался в картину мира, которую им так долго навязывали.

— Этот процесс был тяжелым испытанием для семьи Вэнс, — продолжал Виктор. — Но он также показал силу нашей правовой системы. Системы, которая способна отличить агрессора от жертвы, даже когда агрессор обладает властью и влиянием. Сегодняшний вердикт — это триумф закона и порядка над хаосом домашнего насилия.

В толпе журналистов кто-то выкрикнул вопрос о частично закрытом характере процесса. Виктор невозмутимо ответил:

— Меры безопасности были необходимы для защиты частной жизни несовершеннолетнего и предотвращения давления на свидетелей. В условиях, когда некоторые деструктивные элементы пытаются дестабилизировать общество, мы должны использовать все законные средства для обеспечения справедливого правосудия.

Диана перевела взгляд на Калеба. Он стоял рядом с матерью, чуть опустив голову, идеально играя роль травмированного подростка. Но она видела, как его пальцы ритмично постукивают по бедру. Это не был жест нервозности. Это был ритм человека, который ждет. Человека, который уже планирует свой следующий шаг.

Пока Виктор продолжал свою речь, Диана достала телефон. На экране высвечивались пуш-уведомления новостных агентств. Заголовки кричали об оправдании

наследника империи Вэнсов. Но между ними, мелким шрифтом, проскальзывали другие новости. Те, которые не привлекали внимания толпы на ступенях суда.

«Полиция провела серию обысков в домах активистов оппозиционного движения...»

«Задержаны пятнадцать человек по подозрению в финансировании радикальных групп...»

«Суд ограничил доступ к выбранным защитникам троим подозреваемым в организации беспорядков, сославшись на угрозу национальной безопасности...»

Диана прокручивала ленту новостей, и картина становилась пугающе ясной. Пока Виктор Стерлинг использовал лазейки в законах, чтобы вытащить убийцу из-под удара, эти же законы безжалостно перемалывали жизни обычных людей. Система работала безупречно. Она находила врагов там, где ей было выгодно, и закрывала глаза на настоящих хищников, если они были частью ее механизма.

Она вспомнила документы из архива. Переписку Виктора с антикультовыми организациями. Отчеты о том, как людей лишали работы, разрушали их репутацию, объявляли радикалами и угрозой безопасности только за то, что они осмеливались иметь собственное мнение. В то время как Калев, совершивший хладнокровное убийство, выходил на свободу под вспышки камер, другие люди отправлялись за решетку по сфабрикованным обвинениям.

— ...и мы надеемся, что теперь Калев сможет вернуться к нормальной жизни, — завершал свое выступление Виктор. — Он заслуживает шанса на будущее, свободное от страха.

Вопросы посыпались со всех сторон, но Виктор вежливо, но твердо отказался на них отвечать. Он обнял Элеонору за плечи и направился к ожидающему их черному внедорожнику. Калев шел следом.

Диана задержалась на ступенях. Она смотрела, как они садятся в машину. Элеонора скользнула на заднее сиденье, Калев сел рядом с ней. Дверь захлопнулась, отрезая их от внешнего мира. Тонированные стекла скрыли их лица.

Виктор подошел к Диане. Его улыбка исчезла, уступив место холодной деловитости.

— Отличная работа, Диана, — сказал он, понизив голос. — Ты хорошо справилась.

— Я ничего не сделала, Виктор, — ответила она, глядя ему в глаза. — Это все ты. Твой сценарий. Твои актеры.

Он чуть прищурился, улавливая в ее тоне вызов.

— Мы спасли мальчика. Это главное.

— Мы освободили убийцу, — тихо произнесла Диана. — И ты это знаешь.

Виктор не ответил. Он лишь усмехнулся, поправил воротник пальто и направился к своей машине. Диана осталась одна на ступенях суда. Журналисты начали расходиться, операторы сворачивали камеры. Спектакль был окончен. Зрители расходились по домам, довольные финалом.

Она достала из сумки флешку. На ней были копии всех документов, которые она нашла в архиве Стерлинга. Черновики законов, переписка с экспертами, финансовые отчеты и, самое главное, «Проект “Освобождение”». Доказательства того, что Виктор Стерлинг был архитектором этого заказчика.

Она могла отдать это журналистам прямо сейчас. Могла попытаться разрушить его иллюзию контроля, как советовал Стоун. Но она понимала, что этого будет недостаточно. В мире, где правда стала наказуема, а ложь легализована, эти документы могли просто исчезнуть. Или, что еще хуже, их могли использовать против нее самой, обвинив в краже конфиденциальной информации и пособничестве дестабилизирующим группам.

Она должна была действовать умнее. Она должна была ударить туда, где Виктор не ожидал.

Диана пошла вниз по ступеням, прочь от здания суда. Ветер гнал по асфальту обрывки газет. На одном из них она увидела заголовок: «Президент обещает новые меры по борьбе с деструктивными элементами».

Машина репрессий набирала обороты. За семь лет массовых преследований количество людей, получивших приговор по политическим и религиозным мотивам, достигло сотен. Из них многие были приговорены к реальному лишению свободы, получив сроки свыше пяти лет. Суды продолжали отправлять за решетку тех, кто не вписывался в новую реальность. Имели место случаи насилия и пыток; доля пожилых людей среди этих «узников совести» росла. Продолжалась тенденция преследования целыми семьями.

Это была суть системы, которую выстроил Виктор Стерлинг. Это не была забота о людях или защита традиционных ценностей. Это была машина, перемалывающая общество до полного подчинения, до слепого и покорного рабства. И в такой системе наибольшую угрозу представляли не убийцы вроде Калеба, а те, кто еще помнил о свободе.

Диана остановилась у газетного киоска. На экране небольшого телевизора, висевшего над прилавком, шли новости. Диктор монотонно зачитывал сводку за день.

— ...сегодня полиция пресекла деятельность очередной радикальной ячейки, маскировавшейся под благотворительный фонд. Изъяты материалы с признаками экстремистского содержания. Задержанным грозит до двадцати лет лишения свободы...

Она знала, как это работает. Виктор использовал свои связи в антикультивых организациях, чтобы инициировать эти проверки. Если оппонент проявлял несговорчивость в бизнесе или политике, его объявляли сектантом или радикалом. Его активы замораживались, а сам он исчезал в жерновах правосудия. Это был идеальный механизм устранения конкурентов. И Кaleb был лишь побочным продуктом этой системы. Экспериментом, который вышел из-под контроля.

Диана вспомнила отчеты специалистов о Калебе. О том, как он формировал зависимость у других детей, заставляя их подчиняться своим приказам. О том, как он рационализировал жестокость. Он не был сломлен тиранией отца. Он впитал ее. Он научился правилам игры в этом заказнике. И теперь, получив официальное подтверждение своей безнаказанности, он был готов начать свою собственную охоту.

Она достала телефон и набрала номер Натаниэля Стоуна. Гудки шли долго. Наконец, Стоун ответил.

— Они его оправдали, — сказала Диана, не тратя времени на приветствия.

— Я видел новости, — голос Стоуна был тяжелым. — Виктор разыграл свою партию безупречно.

— Что теперь будет?

— Теперь начнется самое страшное, Диана. Кaleb понял, что система слепа. Она ищет врагов снаружи, но не видит тех, кто находится внутри. Он будет проверять границы дозволенного. И с каждым разом эти проверки могут становиться все более жестокими.

— Мы должны его остановить.

— Как? — спросил Стоун. — Вы пойдете в полицию и скажете, что оправданный судом подросток представляет угрозу? Вас поднимут на смех. Или, что более вероятно, обвинят в клевете, нарушении режима конфиденциальности и попытке повлиять на общественный порядок.

Диана сжала телефон так, что побелели костяшки пальцев.

— У меня есть документы. Проект «Освобождение». План убийства Артура, с рукописными правками Виктора.

На том конце провода повисла пауза.

— Это меняет дело, — медленно произнес Стоун. — Но вы должны понимать, Диана: если вы используете эти документы, вы станете мишенью номер один. Виктор не оставит вас в покое.

— Я знаю. Но я не могу просто стоять и смотреть, как этот человек, которого они вырастили, начинает убивать снова.

— Хорошо. Приезжайте ко мне. Нам нужно разработать план. Мы не можем просто выбросить эти документы в публичное поле. Нам нужно сделать так, чтобы их невозможно было похоронить, подменить или использовать против вас.

Диана отключилась. Она посмотрела на здание суда, возвышающееся на фоне серого неба. Оно казалось неприступной крепостью, символом власти и контроля. Но она знала, что у любой крепости есть слабые места.

Она пошла к своей машине, чувствуя, как внутри нее нарастает холодная решимость. Театр теней правосудия должен быть разрушен. И она станет тем, кто подожжет занавес. Пока она ехала по улицам города, новости по радио продолжали транслировать хронику репрессий. Обыски, аресты, закрытые суды. Система работала без сбоев, переваривая тех, кого она назначила врагами. А где-то в этом городе, в роскошном особняке, Калеб Вэнс сидел в тишине и планировал свой следующий шаг. Он был свободен. Он был невиновен в глазах закона. Он был хищником, выпущенным на волю в идеальном охотничьем заказнике.

Диана знала, что времени осталось мало. Таймер был запущен в тот момент, когда судья Харрисон ударил молотком. И теперь вопрос был лишь в том, кто нанесет удар первым.

Она свернула на трассу, ведущую за город, к дому Натаниэля Стоуна. В зеркале заднего вида отражались огни мегаполиса, погружающегося в сумерки. Города, который не подозревал, что настоящий хаос только начинается.

Глава 12. Финальный расчет

Комната Калеба Вэнса на втором этаже особняка в Гринвиче была идеальной декорацией для жизни молодого наследника. Полки из красного дерева, заставленные подарочными изданиями классики, массивный письменный стол, коллекция винтажных часов в стеклянной витрине. Но за этой безупречной поверхностью скрывалась иная реальность. Реальность, которую Кaleb создавал годами, методично и хладнокровно, пока взрослые были заняты своими играми в правосудие.

Он сидел на полу, скрестив ноги, разложив перед собой предметы, которые давно перестали быть для него просто вещами. Каждое движение было выверено, почти ритуально. Холод металла успокаивал его, заменяя пульс в том месте, где у обычных людей должно было быть сердце.

Кaleb не чувствовал ни вины за убийство отца, ни благодарности к Виктору Стерлингу за свое освобождение. Он чувствовал лишь холодную, кристальную ясность. Оправдательный приговор не был для него спасением. Он был подтверждением. Подтверждением того, что система, созданная его отцом, слепа. Она была запрограммирована на поиск мифических врагов — радикалов, сектантов, диссидентов, которых создавали в своих аналитических записках люди вроде Стерлинга. Но она не видела того, кто вырос в самом ее центре.

Он поднял оружие, прицелился в свое отражение в зеркале шкафа и тихо произнес:
— Бам.

Подготовка началась задолго до смерти Артура. Кaleb не действовал импульсивно. Он собирал информацию, наблюдал, проверял границы дозволенного и учился исчезать в шуме чужих страхов. Никто не обращал внимания на подростка, который проводил

часы за компьютером, пока его отец финансировал кампании по борьбе с «деструктивными элементами».

Кaleb положил оружие на кровать и подошел к столу. Там, среди учебников и тетрадей, лежал распечатанный план здания частной школы «Элит-Крест», в которой он учился. Школа была крепостью для детей политиков, банкиров и корпоративных юристов.

Он взял красный маркер и начал отмечать на плане места, имевшие для него символическое значение. Он не смотрел на школу как на место, где учился. Он смотрел на нее как на сцену, на которой должен был доказать себе, что стал хозяином правил.

Кaleb не был дезорганизованным или оторванным от реальности в привычном бытовом смысле. Его трансформация была результатом долгого, незаметного процесса. Он был идеальным объектом для того, что Натаниэль Стоун называл «пазловым кодированием».

В детстве, пока Артур и Элеонора вели свою войну на уничтожение, Кaleb был предоставлен сам себе. Он часами сидел в интернете, поглощая информацию. И там, среди потоков новостей о беспорядках и угрозах, он начал находить скрытые послания. Сообщения, которые миновали критическое восприятие и проникали прямо в подсознание.

Это были не прямые призывы к насилию. Это были образы. Образы оружия как символа власти и контроля. Образы силы, которая может очистить мир от скверны. Он видел, как система формирует образ исключительности и права сильного на суд над другими, заставляя поверить, что только сильный имеет право вершить суд.

Кaleb впитал эту идею. Он понял, что в мире, где закон стал оружием, единственный способ не стать жертвой — это стать хищником. Охотничий заказник системы, созданный его отцом, нуждался в новом хозяине.

Он вспомнил тот инцидент в заброшенном здании, когда ему было четырнадцать. Это была его первая репетиция. Он нашел группу беспризорников, детей, которых система выбросила на обочину, и начал формировать у них зависимость от себя. Он учился маскировке, манипуляции, выбору жертвы и управлению последствиями. Он заставлял их подчиняться во всем, наслаждаясь их страхом и покорностью.

Тогда он понял, как легко управлять людьми, если ты понимаешь их слабости. И как слепы взрослые, которые ищут угрозу где угодно, только не у себя под носом.

Кaleb обвел красным маркером центральную часть школьного здания. Именно там, как ему казалось, сходились все линии его будущего спектакля.

Он подошел к окну и раздвинул тяжелые бархатные шторы. На улице, за высокой кованой оградой особняка, медленно проехал полицейский патруль. Машина была оснащена по последнему слову техники: камеры распознавания лиц, сканеры, системы перехвата связи. Это были те самые новые подразделения превентивного реагирования, созданные для защиты «традиционного порядка».

Кaleb усмехнулся. Эти патрули часами курсировали по городу, выискивая политических активистов и несогласных. Они тратили миллионы долларов на слежку за теми, кто осмеливался критиковать власть в интернете. Но они не замечали подростка, который стоял у окна с холодным намерением, уже давно созревшим внутри него.

Система была настолько увлечена поиском внешних врагов, что ослепла изнутри. Она создала иллюзию безопасности, в которую сама же и поверила. Он вспомнил лица полицейских, когда они ворвались в кабинет отца в ночь убийства. Они не искали правду. Они действовали по инструкции. Они видели подростка в крови и автоматически записали его в террористы, потому что так было проще. А потом, когда Виктор Стерлинг изменил нарратив, они так же легко поверили, что он жертва.

Кaleb понимал, что он — продукт этой системы. Раковая опухоль общества, о которой так любил рассуждать его отец, выросла не на улицах среди протестующих. Она выросла в его собственном доме, вскормленная его же деньгами и его же жестокостью.

Он вернулся к столу и открыл ноутбук. Экран осветил его лицо холодным голубым светом. Он открыл один из закрытых форумов, где такие же одинокие и озлобленные подростки превращали свою пустоту в культ разрушения. Там не говорили о боли напрямую. Там говорили о власти, унижении, возмездии и славе.

Кaleb не искал там инструкций. Он искал подтверждение своей исключительности. Он читал сообщения других подростков, которые, как и он, были закодированы на разрушение. Они жаловались на несправедливость мира, на обиды, на непонимание. Они искали способ отомстить.

Но Кaleb был другим. Он не чувствовал обиды. Он не искал мести. Для него это было актом очищения. Актом утверждения своей власти в мире, который потерял всякие ориентиры. Он закрыл ноутбук и посмотрел на часы. До начала занятий в школе оставалось несколько часов. Время, когда он должен был завершить последние приготовления.

Он подошел к шкафу и достал черную одежду, приготовленную заранее. Она казалась ему не просто одеждой, а оболочкой новой роли. Он медленно переоделся, наблюдая в зеркале, как исчезает наследник Вэнсов и появляется тот, кого система сама вызвала из тьмы. Он не торопился. В каждой детали было что-то церемониальное, почти торжественное.

В этот момент дверь его комнаты тихо скрипнула. Кaleb мгновенно замер, и его взгляд стал неподвижным, стеклянным. На пороге стояла Элеонора. Она была одета в шелковый халат, ее лицо было бледным и осунувшимся. Она выглядела как тень той женщины, которая так уверенно давала показания в суде.

Она посмотрела на Калеба, на черную одежду, на собранную сумку, на предметы, которые он не успел убрать с кровати. В ее глазах мелькнул ужас, но она быстро подавила его.

— Что ты делаешь? — спросила она тихим, дрожащим голосом.

Кaleb медленно повернулся к ней. В его взгляде не было ни капли эмоций.

— Я готовлюсь, мама.

— К чему? Суд закончился. Мы победили. Ты свободен.

Кaleb усмехнулся. Это была холодная, пугающая усмешка, которая не имела ничего общего с радостью.

— Свободен? — переспросил он. — Ты думаешь, это свобода? То, что Виктор вытащил меня из тюрьмы, чтобы использовать в своих целях?

Элеонора сделала шаг назад. Она поняла, что совершила ошибку. Она думала, что может контролировать Калеба, как контролировала Артура. Она думала, что он — лишь инструмент в ее руках. Но она ошиблась.

— Кaleb, пожалуйста, — начала она, ее голос сорвался. — Мы можем уехать. Начать все сначала. У нас есть деньги...

— Деньги не имеют значения, — оборвал ее Калев. — Значение имеет только власть. И теперь власть у меня.

Он сделал шаг к ней. Элеонора отступила еще на шаг, ее спина уперлась в дверной косяк.

— Ты не понимаешь, мама. Система, которую вы с отцом и Виктором создали, она идеальна. Она позволяет делать все, что угодно, если ты знаешь правила. И я знаю правила.

Он поднял руку и коснулся ее щеки. Его пальцы были холодными, как лед.

— Вы думали, что я просто козел отпущения. Что я убью отца, а потом вы спрячете меня и будете наслаждаться жизнью. Но вы забыли одну вещь.

Он наклонился к ней и прошептал ей на ухо:

— Оружие, которое вы зарядили, может выстрелить и в вас.

Элеонора закрыла глаза, по ее щеке скатилась слеза. Она поняла, что создала угрозу, которую уже невозможно остановить.

Калев отстранился от нее и вернулся к столу.

— Уходи, мама, — сказал он, не оборачиваясь. — Мне нужно закончить.

Элеонора постояла еще секунду, затем развернулась и быстро вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Калев остался один. Он посмотрел на план школы, на красные круги, отмечающие цели. Он чувствовал, как внутри него нарастает холодное возбуждение. Он знал, что его действия вызовут шок. Что СМИ будут трубить о трагедии, что политики будут требовать новых, еще более жестких законов. Что система, которую он собирался атаковать, попытается использовать его преступление для укрепления своей власти. Но ему было все равно. Он не был революционером. Он не хотел менять систему. Он хотел показать ей ее собственное уродство. Он хотел доказать, что в театре теней правосудия нет безопасных мест.

Он подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. В отражении стоял уже не школьник и не наследник. Стоял человек, окончательно отказавшийся от человеческого в себе. Но он был не солдатом. Он был палачом.

В голове навязчиво крутилась мысль: «Единственные глаза, в которые тебе будет стыдно смотреть после совершения убийства, — это глаза твоих родителей. Их глаза являются зеркалом твоей внутренней совести».

Кaleb усмехнулся. У него не было совести. И глаза его родителей больше не имели над ним власти. Отец был мертв, а мать была сломлена. Он был абсолютно свободен. Он закрыл большую спортивную сумку. Всё, что должно было быть внутри, уже было внутри. Он знал, что у него будет только один шанс, и не собирался его упускать.

За окном начало светать. Серый свет раннего утра пробивался сквозь щели в шторах, освещая комнату холодным, безжизненным светом. Он подошел к двери и прислушался. В доме было тихо. Элеонора, скорее всего, заперлась в своей комнате, парализованная страхом перед тем, что она создала. Охрана, нанятая Виктором, патрулировала периметр, не подозревая, что главная угроза находится внутри.

Кaleb открыл дверь и вышел в коридор. Он двигался бесшумно, как тень. Он спустился по лестнице и прошел через холл. Он вышел через заднюю дверь и направился к гаражу. Там стоял его автомобиль — черный седан, заранее приготовленный для этого утра. Он бросил тяжелую сумку в багажник и сел за руль. Двигатель завелся с тихим урчанием. Кaleb выехал из гаража и направился к воротам. Охранник в будке поднял шлагбаум, даже не взглянув на водителя. Он привык, что молодой наследник уезжает рано утром. Система безопасности, созданная для защиты от внешних угроз, беспрепятственно выпустила хищника на свободу.

Кaleb выехал на трассу. Город только начинал просыпаться. По улицам ехали редкие машины, на тротуарах появлялись первые пешеходы. Люди спешили по своим делам, не подозревая, что этот день навсегда изменит их жизни.

Он включил радио. Диктор монотонным голосом зачитывал утренние новости.

— ...президент подписал указ о расширении полномочий подразделений превентивного реагирования. Отныне они имеют право проводить обыски без ордера в случаях, когда существует угроза национальной безопасности...

Кaleb улыбнулся. Машина репрессий продолжала работать, перемалывая общество в пыль. Политики и силовики были настолько заняты борьбой с фантомами, что не замечали реальной опасности. Они искали заговорщиков в оппозиционных газетах, они арестовывали активистов за посты в интернете, они закрывали суды от

публики, чтобы скрыть свои преступления. Но они не видели того, кто ехал сейчас по улицам их города с тяжелой сумкой на заднем сиденье и пустотой внутри.

Кaleb подъехал к зданию школы «Элит-Крест». Оно возвышалось над окружающими домами, как средневековый замок. Высокие кирпичные стены, кованые ворота, камеры видеонаблюдения на каждом углу. Он остановил машину неподалеку. Несколько секунд сидел неподвижно, глядя на здание через лобовое стекло. Всё было готово.

Он пошел к школе. Он шел уверенно, не прячась. Он знал, что его не остановят. В этом мире, где все боялись сказать лишнее слово, где каждый подозревал каждого, никто не обращал внимания на подростка с большой спортивной сумкой. Он подошел к главным воротам. Охранник в будке на мгновение поднял глаза, узнал его и снова опустил взгляд к экрану телефона. Для этой системы Кaleb по-прежнему был «своим».

Он вошел в здание. В коридорах стоял гул голосов. Дети элиты обсуждали свои планы на выходные, последние сплетни, оценки. Они не знали, что их мир вот-вот рухнет. Кaleb направился по знакомому коридору. Он шел не быстро и не медленно — так, чтобы не выделяться. Всё вокруг казалось ему уже не реальным пространством, а декорацией, построенной специально для финальной сцены.

Он подошел к дверям большого школьного зала и остановился. Внутри было полно людей. Ученики завтракали, смеялись, разговаривали. Кaleb опустил сумку на пол. В этот миг шум вокруг будто отдалился, превратившись в глухой, вязкий гул. Он сделал глубокий вдох. Он не чувствовал ни страха, ни сомнений. Он чувствовал только абсолютную ясность и холодную, безжалостную решимость. Он толкнул двери зала. Театр теней правосудия, в котором он вырос, подготовил его к этой роли. И теперь он был готов выйти на сцену.